— Вильгельмъ Вундтъ. Карлъ Лампрехтъ. —
— Анри Бергсонъ. Эрнестъ Леру. —

ДВѢ КУЛЬТУРЫ.

(Къ философіи нынѣшней войны).

ПРИЛОЖЕНІЕ:

Манифесты: 93 представителей германской науки, философіи и искусства и Германскихъ Университетовъ и отвѣтъ С. Чорча, Президента Института Карнеги (Вердиктъ Соединенныхъ Штатовъ).

ИЗДАНІЕ Б. С. БЫЧКОВСКАГО.
ПЕТРОГРАДЪ
1916 г.

— Вильгельмъ Вундтъ. Карлъ Лампрехтъ. —
— Анри Бергсонъ. Эрнестъ Леру. —

ДВѢ КУЛЬТУРЫ.

(Къ философіи нынѣшней войны).

ПРИЛОЖЕНІЕ:
Манифесты: 93 представителей германской науки, философіи и искусства и Германскихъ Университетовъ и отвѣтъ С. Чорча, Президента Института Карнеги (Вердиктъ Соединенныхъ Штатовъ).

Изданіе Б. С. Бычковскаго.
ПЕТРОГРАДЪ
1916 г.

Петроградъ. Дозволено Военной цензурой 28 ма 1915 г.

Тип. Петр. Т-ва Печ. и издат. дѣла „Трудъ“ Кавалергардская 40.

Къ русскому изданію.

Когда на поляхъ брани грохочутъ орудія, сѣющія смерть и разрушенія, когда вопросы права отданы на судъ не великой міровой совѣсти, а разрѣшаются огнемъ и мечомъ, тогда трудно и наивно говорить объ оскорбленіяхъ, наносимыхъ великому духу творчества. Когда современные Атиллы, упоенные жаждой крови, разстрѣливаютъ женщинъ и дѣтей, разрушаютъ великіе памятники искусства, творятъ ужасы, передъ которыми блѣднѣютъ мрачные подвиги средневѣковья, тогда не время аппелировать къ завѣтамъ культуры и цивилизаціи. Въ такіе моменты было бы болѣе цѣлесообразно и болѣе разумно глашатаямъ истины временно замолкнуть, борцамъ за великіе идеалы всечеловѣческаго братства отойти на время въ сторону, пока угаснетъ ненависть, заснетъ проснувшійся

въ человѣкѣ звѣрь и люди вновь востоскуютъ по любви. Къ великому прискорбію власть мрака подчинила себѣ самихъ носителей свѣта, и мы присутствуемъ при постыдномъ зрѣлищѣ. Въ кровавое столкновеніе народовъ вовлечены выдающіеся представители науки, философіи, искусства. Они сорвались съ общихъ высотъ творчества, разбрелись по сторонамъ и, бросивъ другъ другу вызовъ, разорвали великія хартіи, еще вчера святыя для каждаго изъ нихъ.

Предлагаемый нами читателю сборникъ статей, подъ которыми значатся всѣми чтимыя имена, ярко иллюстрируетъ упадочное состояніе умовъ. Вожди германской мысли не останавливаются передъ подлогомъ исторической правды, лишь бы умалить значеніе культуры благородной націи, столь богатой геніями мысли и чувства, начертавшей первой на своемъ знамени волшебныя слова: „Свобода, Равенство и Братство". А энтузіасты французы въ пылу полемики не видятъ зіяющей пропасти, отдаляющей вдохновенныхъ творцовъ идеалистической философіи, мягкаго, проникнутаго религіозной настроенностью романтическаго искусства, этихъ страстныхъ искателей правды, тосковавшихъ по вѣчномъ, внѣвременномъ, отъ гг. Бернгарди, Вильгельмовъ, предводителей дикихъ ордъ, дерзнув-

шихъ въ вѣкъ расцвѣта гуманитарныхъ наукъ провозгласить приматъ грубой силы надъ правомъ, духа разрушающаго надъ духомъ созидающимъ.

Міръ лежитъ теперь во злѣ и весь онъ обагренъ кровью. Такова воля исторіи. Будущія поколѣнія съ ужасомъ отвернутся отъ годины несчастья и позора. Они дадутъ безпристрастную оцѣнку ролей каждаго изъ дѣйствующихъ лицъ разыгрывающейся міровой трагедіи. Но они вынесутъ суровый приговоръ и надъ тѣми, кто оторвалъ отъ двуединой правды,—правды-истины и правды-справедливости — правду—справедливость, кто отягчилъ великое преступленіе вѣка новымъ преступленіемъ.

Б. С. Бычковскій.

Вильгельмъ Вундтъ.

Сущность истинной войны.

Лѣтомъ 1813 года Іоганнъ Готлибъ Фихте, за нѣсколько мѣсяцевъ передъ своею смертью, читалъ передъ своими слушателями въ Берлинскомъ Университетѣ лекцію на тему, имѣющую теперь вновь глубокій, жизненный интересъ. Онъ читалъ „о понятіи истинной войны". Какова сущность истинной войны? Мы можемъ пройти мимо абстрактныхъ выводовъ философа и остановиться только на сущности его отвѣта. Этотъ отвѣтъ простъ и ясенъ: настоящей можетъ быть названа только та война, которую народъ ведетъ противъ врага, дерзающаго лишить его свободы и самостоятельности. Эти два слова „свобода и самостоятельность", конечно, таятъ въ себѣ безконечно болѣе глубокое содержаніе, нежели это представляется на первый взглядъ. Свободенъ и самостоятеленъ народъ не только тогда, когда каждый отдѣльный его гражданинъ имѣетъ возможность свободно дѣйствовать въ рамкахъ законодательства своего государства, пріобрѣтать

по желанію богатства и свободно ими распоряжаться. Нѣтъ, онъ свободенъ тогда, когда онъ въ состояніи безпрепятственно проявлять свои силы въ общей культурной работѣ и выполнять обязанности, возлагаемыя на него цивилизацiей и общей исторической жизнью народовъ,—тогда, когда зависть и ненависть другихъ народовъ не мѣшаютъ ему выполнять эти историческія задачи. Когда его лишаютъ источниковъ его творческаго сотрудничества и работы надъ великими задачами человѣчества, когда границы его самоопредѣленія и развитія устанавливаютъ не его насущныя потребности и способности, а зависть его сосѣдей, зависть, вызываемая духовными его цѣнностями, тогда его свободѣ и самостоятельности угрожаетъ опасность. И эта опасность неизмѣримо больше опасности, которой подвергнетъ личную свободу гражданина своеволіе того или другого властелина, временно появляющагося на исторической сценѣ жизни народа.

Личности исчезаютъ, но народы остаются. Тотъ, кто наноситъ вредъ націи, тотъ, кто хочетъ дать ей только то количество свѣта и воздуха, которое ей отводятъ правители чужихъ націй,—тотъ хуже злѣйшаго деспота собственнаго рода. Онъ наноситъ вредъ не только отдѣльнымъ лицамъ, не только современному по-

колѣнію, но покушается на самое существованіе націи, на ея призваніе въ настоящемъ и будущемъ!

Народъ, который противится подобному покушенію, ведетъ войну не за преходящія преимущества, а во имя блага всѣхъ будущихъ поколѣній.

Болѣе того, въ подобной войнѣ народовъ самымъ крупнымъ и важнымъ является то, что народъ борется за человѣчество и, въ конечномъ счетѣ, за теперешнихъ своихъ враговъ. Это истинная война! Въ ней народъ проявляетъ всю свою мощь, напрягаетъ всѣ свои усилія. Въ ней участвуютъ всѣ граждане,—князья и крестьяне, крупные финансисты и ихъ мелкіе служащіе, художники, ученые и скромные ремесленики. Ибо подобная міровая война должна рѣшить вопросъ, возможно ли въ будущемъ кровавое столкновеніе народовъ, вызываемое авантюрами и дипломатическими интригами, или же подобное позорное событіе больше не можетъ повторяться. Съ этой точки зрѣнія проблема, выдвигаемая современной войной, имѣетъ больше значенія, нежели освободительная война сто лѣтъ тому назадъ. Эта проблема важнѣе еще потому, что тогда нѣмецкій народъ былъ не только не подготовленъ къ войнѣ, но онъ проявилъ неподго-

товленность къ ея ликвидаціи. Онъ былъ обманутъ искусствомъ дипломатовъ, что не должно имѣть мѣсто теперь въ ожидающей насъ грядущей побѣдѣ. Вѣдь тогда борьба шла за освобожденіе отъ тираніи отдѣльной личности, а это, какъ всякое дѣйствіе и хотѣніе отдѣльнаго человѣка, имѣетъ съ самаго начала временное, преходящее значеніе.

Теперь, какъ и во время битвы при Лейпцигѣ, мы присутствуемъ при кровавомъ столкновеніи народовъ. Тогда народы Европы соединились вмѣстѣ, чтобы сломить волю завоевателя и насильника. Война, переживаемая теперь, есть, напротивъ, настоящая война народовъ. Сошлись лицомъ къ лицу въ кровавой войнѣ народы противъ народовъ. Германія и тѣсно связанная съ ней узами культуры и исторіи Австро-Венгрія столкнулись съ соединенными силами остальныхъ державъ Европы. Къ величайшему нашему прискорбію этими державами предводительствуетъ родственная намъ Англія. И исторія отмѣтитъ государственныхъ людей Англіи, какъ главныхъ виновниковъ этой, не знающей себѣ подобной, міровой войны.

Какое различіе между цѣлями настоящей войны и войны, происходившей сто лѣтъ тому назадъ! Тогда нѣмецъ думалъ только о томъ, чтобы, свер-

гнувъ иноземное иго, снова вернуться къ мирной, трудовой работѣ. Его интересовало только благо его родины.

И тотъ же самый Фихте, который считалъ священной обязанностью эту войну противъ чужеземнаго завоевателя, написалъ за нѣсколько лѣтъ до этой войны трактактъ о государствѣ, въ которомъ онъ считаетъ идеальнымъ государствомъ будущаго государство, замкнутое въ себѣ въ области хозяйства, торговли, права и нравственности, опирающееся только на свои собственныя силы, граждане котораго участвуютъ въ міровомъ общеніи народовъ лишь постольку, поскольку это вызывается соревнованіемъ въ искусствѣ и наукѣ. Теперь навсегда исчезли идеалы, въ которыхъ тогда отражалась замкнутая жизнь нѣмецкаго народа. Въ каждомъ изъ насъ живетъ сознаніе, что индивидумъ не только гражданинъ своего государства, но еще міровой гражданинъ..

Конечно, мы міровые граждане не въ старомъ значеніи этого слова, какъ это намъ нѣмцамъ охотно приписываютъ. Рѣчь идетъ не о міровомъ гражданствѣ, направленномъ на общіе гуманитарные идеалы, за которыми стушевываются цѣнности собственнаго народа и собственнаго государства. Мы теперь знаемъ,

что настоящій міровой гражданинъ, желающій творить въ мірѣ и для міра вѣчныя цѣнности долженъ прежде всего прочно утвердиться на своей родной землѣ, въ своемъ собственномъ государствѣ. Ибо въ настоящее время жизнь народовъ основана столь же на торговлѣ, промышленности, производствѣ и обмѣнѣ матеріальныхъ благъ, сколько и на духовныхъ цѣнностяхъ. Подъ знакомъ мірового общенія стоятъ не одно только искусство и наука, какъ это имѣло мѣсто во времена нашихъ великихъ поэтовъ и мыслителей прошлаго. Нѣтъ, жизнь и собственность, право и нравственность, техника и промышленность, они столь же глубоко проникаютъ всю толщу народной жизни, какъ духовная творческая работа. Великія заслуги нашихъ поэтовъ и мыслителей прошлыхъ столѣтій состоятъ въ томъ, что они въ царствѣ духовныхъ цѣностей завоевали для нѣмецкаго народа міровое положеніе, за которомъ съ внутренней необходимостью слѣдовало развитіе другихъ областей жизни, тѣсно связанное съ мыслею и волей, съ душею и тѣломъ. Это предвидѣли Кантъ и Шиллеръ и самый одаренный изъ нашихъ великихъ покойниковъ Гете, несмотря на то, что тогда исторія еще неясно рисовала задачи нѣмецкой культуры.

Можетъ быть, скажутъ, что въ этой войнѣ никто не хочетъ оспаривать у германской націи ея мірового положенія, что этотъ ужасный міровой пожаръ возникъ изъ случайныхъ обстоятельствъ. Вѣдь часто случается, что маленькія причины вызываютъ крупныя слѣдствія. Сербскому правительству не понравился угрожающій тонъ австрійской ноты. Германія нарушила нейтралитетъ Бельгіи, и эти то маловажныя обстоятельства будто бы вызвали кровавое столкновеніе народовъ. Или же, какъ это полагаютъ нѣкоторые, соревнованіе великихъ державъ въ военныхъ сооруженіяхъ должно было естественно привести къ настоящей войнѣ. Словно эти вооруженія, этотъ милитаризмъ не были со стороны нашихъ противниковъ подготовительной ступенью къ войнѣ, словно для Германіи они не были только необходимымъ средствомъ защиты, ибо въ противномъ случаѣ мы сами обрекли бы себя на гибель. Германцы хотѣли мира. Германское правительство, германскій Кайзеръ это доказывали столь явными данными, что даже враги наши не могли этого отрицать. Вѣдь парижская уличная молодежь распѣвала юмористическія пѣсни о любви нашего Кайзера къ миру. Непонятно поэтому, что это отрицаютъ дружественно настроенные къ намъ американцы, которые не чер-

паютъ своей политической мудрости изъ англійскихъ газетъ. Конечно, сараевское убійство опредѣлило моментъ возникновенія войны. Вѣроятно, для нашихъ противниковъ было бы удобнѣе отсрочить этотъ моментъ.

Но для каждаго, кто слѣдилъ за исторіей послѣднихъ лѣтъ, не можетъ быть никакого сомнѣнія, что къ этой войнѣ давно готовились. Къ ней готовились три державы, окрестившія свой хищническій заговоръ „сердечнымъ согласіемъ". Они готовились къ этой войнѣ, которая, по ихъ замысламъ, должна закончиться изоляціей Германіи, крушеніемъ ея мощи, а для Англіи, главной участницы „Тройственнаго согласія", война должна еще отрѣзать Германію отъ мірового общенія и превратить ее въ континентальное государство. Я прохожу здѣсь молчаніемъ стремленіе французовъ къ реваншу, зависть и своекорыстіе Англіи, мечты о міровомъ владычествѣ Россіи, питаемыя панславизмомъ, нахожу возможнымъ не остановиться здѣсь на взаимодѣйствіи этой больной смѣси національныхъ инстинктовъ.

Можетъ быть, эти инстинкты не были бы въ состояніи зажечь міровой пожаръ, не будь человѣка, которому одному, конечно, нельзя исключительно приписать возникновеніе этой войны,

но который несомнѣнно нарисовалъ ея планъ. Этотъ человѣкъ—сэръ Эдуардъ Грей. Онъ лишь душеприказчикъ, онъ орудіе англійскаго короля Эдуарда VII, подготовлявшаго войну со всей политической мудростью, и, какъ это часто бываетъ въ жизни и въ дѣйствіяхъ, съ полнымъ пренебреженіемъ къ требованіямъ нравственности и совѣсти.

Извѣстна его любимая поговорка: „Германія должна быть изолирована“. Она должна имѣть кругомъ себя враговъ. Ее слѣдуетъ вновь ввести въ ея границы до 1870 года, ее слѣдуетъ удалить съ міровой арены колоніальной работы народовъ, которая должна быть сосредоточена въ рукахъ англичанъ. Таковъ планъ, начертанный Эдуардомъ VII.

Пользуясь мелкими и крупными средствами, большею частью мелкими, сэръ Эдуардъ Грей пытался осуществить этотъ планъ, начиная съ того момента, когда онъ въ 1906 году взялъ въ свои руки руководство внѣшней политикой Англіи, до знаменитаго предложенія, вызвавшаго настоящую войну. Я говорю о предложеніи Грея о созывѣ въ Лондонѣ конференціи пословъ великихъ державъ для обсужденія вопроса о предотвращеніи войны въ тотъ моментъ, когда война уже стала неизбѣжной.

Въ дѣйствительности это предложеніе преслѣдовало цѣль выиграть время для Россіи и Франціи, не успѣвшихъ еще вооружиться.

Конечно, конференція пословъ, которая такъ блестяще доказала свою неспособность во время балканскаго кризиса, разошлась бы безрезультатно, именно въ тотъ моментъ, когда „Сердечному Согласію" было бы угодно совершить свое нападеніе на Германію.

Въ послѣдніе годы сэръ Эдуардъ Грей дважды пытался осуществить свою программу окруженія Германіи, считая это своимъ призваніемъ: во время Агадирскаго инцидента и при переговорахъ объ уступкахъ Франціи въ Конго. Въ первый разъ этого не позволяли военныя вооруженія Англіи, а во второй разъ французамъ это предпріятіе казалось опаснымъ. Теперь, повидимому, насталъ моментъ сковать Германію желѣзнымъ кольцомъ и уничтожить ее.

Во Франціи во главѣ правительства очутились г.г. Пуанкаре и Делькассе, у которыхъ мысль о реваншѣ не останавливалась ни передъ какими авантюрами.

Но Англія остается главной виновницей пылающаго міроваго пожара. Безъ подстрекательства Англіи, безъ англійскихъ денегъ и англійскаго флота эта война велась бы по

крайней мѣрѣ въ предѣлахъ, въ которыхъ возможно честное состязаніе силъ. Англія превратила эту войну въ міровую войну. Никакія внѣшія основанія, никакія фразы не въ состояніи скрыть ея цѣлей. Англія хочетъ уничтожить германскую мощь, и при современномъ единствѣ государства и націи, это значитъ вычеркнуть германскую націю изъ списка великихъ народовъ. Это наполняетъ наше сердца глубокой скорбью и справедливымъ гнѣвомъ и негодованіемъ противъ родственной намъ страны, на государственный строй которой мы до сихъ поръ смотрѣли, какъ на образецъ гражданской свободы, поэтовъ и мыслителей которой мы считали своими, кровью отъ нашей крови, духомъ отъ нашего духа. И поэтому когда нашъ Кайзеръ отказался отъ почетнаго англійскаго адмиральскаго званія, для насъ это было естественнымъ и понятнымъ выраженіемъ нашихъ собственныхъ чувствъ. Столь же легко понять образъ дѣйствій нашихъ ученыхъ и художниковъ, отрекшихся отъ англійскихъ почетныхъ званій.

Но какъ не велика вина сэра Эдуарда Грея и министровъ его кабинета, эта война была бы невозможна, если-бъ ее не одобрялъ англійскій народъ. Въ Англіи не существуетъ автократическаго правительства, какъ въ Россіи. Англія

страна съ парламентарнымъ правленіемъ. Свобода слова и мнѣнія въ ней ничѣмъ не стѣснена. Но кто же въ Англіи протестовалъ противъ этой войны? Куда дѣлись люди, которые еще раньше должны были предостерегать противъ союза этой свободной и высокоцивилизованной страны съ Россіей, страной варварской, несмотря на ея великихъ поэтовъ? И развѣ еще раньше нельзя было предвидѣть, что этотъ противоестественный союзъ не можетъ принести ничего хорошаго. Правда, до возникновенія войны противъ нея возстали нѣкоторые ученые, высокочтимые и въ Германіи. Но что значитъ эта полудюжина оксфордскихъ и кембриджскихъ профессоровъ въ сравненіи со всей цивилизованной Англіей? Вѣдь они составляли незначительное меньшинство среди своихъ коллегъ. А англійская печать? Какова ея позиція? По мнѣнію Daily News, этой сравнительно дружественной Германіи газеты разъ война начата, ее слѣдуетъ возможно быстро закончить путемъ уничтоженія нѣмецкаго флота и заключить справедливый миръ. Конечно, если германскій флотъ будетъ уничтоженъ, тогда Англія будетъ диктовать условія мира. Легко себѣ представить эти условія мира, если принять во вниманіе намѣренія и цѣли англійскихъ политическихъ дѣятелей. Они одинаковы

какъ у Грея, такъ и у Черчилля. Во всемъ англійскомъ кабинетѣ былъ только одинъ министръ, выступавшій противъ такой войны и ушедшій изъ кабинета, когда война была начата: это министръ внутреннихъ дѣлъ, вождь рабочихъ Джонъ Бэрнсъ. Недавно Бэрнсъ произнесъ рѣчь, въ которой онъ назвалъ Грея главнымъ виновникомъ войны и обвинялъ его въ томъ, что онъ поставилъ на карту самое существованіе Англіи, ибо планъ Грея уничтожить Германію при помощи обманчиваго союза съ Франціей и Россіей—безуміе. Но отчего Джонъ Бэрнсъ не сказалъ своей рѣчи раньше? Отчего она была сказана теперь, послѣ того какъ ожидавшіяся побѣды англійской сухопутной арміи превратились въ пораженія? Почему онъ раньше не протестовалъ противъ нездороваго союза съ Россіей? Почему онъ до возникновенія войны не предлагалъ рабочимъ массамъ единодушно высказываться противъ нея? Онъ этого не сдѣлалъ, а если бы сдѣлалъ, къ его голосу прислушивались бы немногіе. Если бы въ Англіи населеніе или даже одни только наиболѣе культурные и вліятельные слои общества были противъ войны, никакой кабинетъ и никакое лицо не могли бы толкнуть Англію на эту войну. Когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ консервативное правительство

уступило мѣсто либеральному, вмѣстѣ съ Черчиллемъ, теперешнимъ морскимъ министромъ, сэръ Эдуардъ Грей былъ оставленъ изъ состава прежняго Торійскаго министерства. По отношенію къ другимъ странамъ, особенно Германіи, Англія не знаетъ различія партій, и за парламентомъ стоитъ въ подавляющемъ большинствѣ сама нація, такъ что меньшинство, противящееся открытому общественному мнѣнію, не смѣетъ поднять своего голоса. Въ Англіи былъ одинъ человѣкъ, который не молчалъ бы, а громко и открыто возсталъ бы противъ этой преступной войны, но къ сожалѣнію, этого высокочтимаго нами человѣка больше нѣтъ въ живыхъ. Я говорю о Томасѣ Карлейлѣ.

Самое тяжелое и больное для насъ въ этой войнѣ это то, что намъ главнымъ образомъ приходится воевать съ родственной намъ по крови Англіей. Пусть современная Англія измѣнилась къ худшему, въ духовномъ отношеніи, въ сравненіи со старой Англіей, но все же эта страна осталась родственной намъ и по духу. Какое дѣло намъ до бельгійцевъ, ослѣпленныхъ и примкнувшихъ къ этой войнѣ, чтобъ доказать предъ лицомъ всего міра свою неспособность вести существованіе самостоятельнаго государства? И кто изъ насъ не испытываетъ чувства состра-

данія къ прекрасной Франціи, большинство населенія которой не хотѣло войны и которая была вовлечена въ этотъ кровавый конфликтъ горстью интригановъ, честолюбцевъ, безсовѣстныхъ авантюристовъ. Мы не будемъ строго осуждать даже хвастуновъ журналистовъ, осыпающихъ германскій народъ глупой руганью, вѣдь эта ругань имѣетъ цѣлью сокрытіе того, что Франція сама—виновница своего униженія. Что намъ до того, что г. Анри Бергсонъ, котораго въ Германіи ни одинъ серьезный философъ никогда не считалъ философомъ, называетъ насъ варварами. Вѣдь мы знаемъ, что этотъ философъ позаимствовалъ отъ насъ варваровъ тѣ изъ своихъ мыслей, которыя имѣютъ нѣкоторую цѣнность, придавъ имъ мишурный блескъ своихъ фразъ, чтобы ложно объявить ихъ новымъ, самостоятельнымъ открытіемъ. А Россія? Что могли мы ожидать отъ государства, неспособнаго вести свою страну впередъ по пути культуры, отъ государства, которое видитъ свою задачу въ притѣсненіи подчиненныхъ ей культурныхъ народовъ? Было ясно, что это государство соблазнится обѣщаніемъ своихъ западныхъ друзей обогатить его на счетъ сосѣдей, при новомъ дѣлежѣ міра. Поэтому, Франція, Россія—онѣ соучастницы преступленія. Но ихъ вина почти

простительна, если принять во вниманіе условія жизни этихъ странъ и ихъ отношенія и считаться съ тѣмъ великимъ обманомъ, въ который ихъ ввелъ англійскій планъ. Англія есть и остается главнымъ виновникомъ, ибо она создала дьявольскій планъ уничтоженія Германіи. Это она создала ужасный тройственный союзъ двухъ старѣйшихъ послѣ Италіи по культурѣ странъ съ варварской Россіей. Когда возникла война, еще можно было бы лелѣять мечту, что образованная Англія будетъ противъ нея. Къ сожалѣнію, дальнѣйшій ходъ событій обманулъ наши надежды. За исключеніемъ немногихъ ученыхъ, которые благодаря личнымъ связямъ со своими нѣмецкими друзьями лучше знаютъ нашу страну, чѣмъ большинство ихъ согражданъ, вся литературная Англія настроена противъ насъ. Въ сравненіи съ невѣжественной руганью какого нибудь Бернарда Шоу, писателя, котораго много читаютъ и въ Германіи, „варвары" господина Бергсона представляются лишь шалунами. Рядомъ съ литературными величинами низшей степени стали трубить въ трубу Шоу первоклассные поэты Англіи,— Рэдьярдъ Киплингъ и Робертъ Бриджсъ, нынѣшній поэтъ-лауреатъ. Титулъ „варвары" не удовлетворяютъ Киплинга, и онъ насъ вели-

чаетъ гуннами современной Европы. Что же остается сказать о голосѣ англійскаго народа, раздающемся въ англійскихъ газетахъ, въ которыхъ люди состязаются другъ съ другомъ въ указаніи средствъ для скораго и полнаго уничтоженія Германіи? Несмотря на эти факты, среди насъ находятся мягкосердечные люди, говорящіе о примиреніи съ Англіей до разсчета съ двумя остальными нашими противниками. Словно возможенъ длительный миръ съ Англіей прежде чѣмъ мы заставимъ эту страну отречься разъ навсегда отъ своей пагубной политики изоляціи Германіи, германской націи и германской культуры. Только тогда, когда это осуществиться, наступитъ день, когда мы снова сможемъ думать о томъ, чтобы идти рука объ руку съ возрожденной Англіей по пути осуществленія великихъ задачъ, отведенныхъ въ мірѣ германскимъ народамъ.

Часто обнаруживали противорѣчія въ томъ, что отдѣльный англичанинъ, англійскій джентльменъ, какъ гласитъ старая пословица, обладаетъ честнымъ, открытымъ характеромъ, но что англійская нація въ цѣломъ этихъ свойствъ не проявляетъ. Слѣдуетъ однако отмѣтить, что это противорѣчіе не столь велико, какъ это кажется. Вѣдь духъ народа вѣрно и ярко отражается

въ его философіи, конечно, не въ философіи, созданной страной, а въ философіи, утвердившейся и господствующей въ странѣ. Всѣ мы смотримъ съ уваженіемъ и благодарностью на великихъ англійскихъ философовъ прошлаго. Бэконъ и Локкъ, Беркли, Юмъ для насъ не чужіе, а свои такъ же, какъ и великіе англійскіе естествовѣды и историки. Но популярная философія, господствующая теперь въ Англіи, не есть философія упомянутыхъ великихъ людей. Мораль, которой Англія проникнута цѣликомъ, начиная съ государственнаго дѣятеля и кончая нефилософствующимъ купцомъ, есть мораль пользы, или же называя ее многозначущимъ терминомъ, есть мораль благополучія. Бентамъ, знаменитый англійскій юристъ прошлаго столѣтія, является самымъ вѣрнымъ философомъ-теоретикомъ этой морали пользы. „Пусть каждый поступаетъ такъ, какъ ему это выгодно“, такъ гласитъ основная аксіома этой морали. Но надо умѣть съ должной разумностью выполнять это нравоученіе. Такъ поступаетъ только тотъ, кто выполняетъ его постолько, поскольку это согласуется съ интерасами другихъ людей. Но подъ послѣдними разумѣются только англичане. Въ отношеніи другихъ націй дѣйствуетъ неограниченно слѣ-

дующее основное положеніе: „Моя родина есть мой міръ“. Поэтому для другихъ націй этотъ утилитаризмъ превращается въ жалкій безпощадный эгоизмъ. Этотъ эгоизмъ Англія проявляетъ по отношенію къ тѣмъ изъ своихъ колоній, которыя не населены англичанами. Прежде всего и раньше всего эта мораль пользы примѣняется исключительно въ интересахъ собственной выгоды. Пусть культура англичанъ отъ этого страдаетъ, но это только побочное слѣдствіе, въ остальномъ же утилитаризмъ крайне полезная для англичанъ теорія. И рѣдко имѣетъ мѣсто наличность гуманныхъ обязательствъ, возлагаемыхъ на себя государствомъ при основаніи колоній. Для международной политики Англіи характерно еще одно положеніе Бентама. По мнѣнію этого англійскаго утилитариста, пріобрѣтеніе и сохраненіе жизненныхъ благъ есть скрытая или явная цѣль человѣческихъ стремленій. При свободномъ выборѣ вопросъ о томъ, какимъ благамъ слѣдуетъ отдать предпочтеніе, становится сложнымъ. Его можно прирѣшить до нѣкоторой степени вѣрно, если принять за масштабъ общія средства обмѣна благъ, т. е. деньги. Благо, стоющее больше денегъ, есть высшее благо. Правда, не всѣ англійскіе философы утилитаристы раздѣляютъ эту точку зрѣнія

но средній англичанинъ живетъ по этому рецепту, котораго открыто придерживается англійское правительство. Вѣдь согласно сообщеніямъ газетъ, по предложенію лорда Китченера, правительство намѣрено увеличить жалованіе солдатъ, чтобы поднять ихъ патріотизмъ. Мы, нѣмцы, не знаемъ наемныхъ войскъ. Наши сыновья, наши братья и нашъ народъ сами ведутъ войну, намъ навязанную. Для насъ эта война не есть торговое предпріятіе, можетъ быть только по степени отличающееся отъ обыкновенныхъ торговыхъ предпріятій. Мы ведемъ эту войну не для того, чтобъ вытѣснить конкурента изъ мірового рынка. Наши сыновья отражаютъ натискъ враговъ, стремящихся отрѣзать намъ путь къ выполненію нашихъ національныхъ задачъ. Поэтому, эта война, какъ и освободительная война прошлаго, къ которой призывалъ Фихте, есть въ полномъ смыслѣ слова истинная война. Освободительная война прошлаго есть прелюдія къ настоящей, ужасной войнѣ народовъ, войнѣ необходимой, даже святой, ибо въ ней народъ борется за то, чтобы не быть стертымъ съ лица земли.

Нѣмецкій философъ, прямой человѣкъ изъ народа, конечно не утилитаристъ, а, подобно другимъ нѣмецкимъ философамъ, восторженный

идеали   Яковъ Беме, сапожникъ изъ Герлица, еще 300 лѣтъ тому назадъ высказалъ мысль, которая теперь спустя 300 лѣтъ можетъ быть весьма успѣшно примѣнима къ настоящей войнѣ.

„Каждая вещь, сказалъ Беме, имѣетъ рядомъ съ собой свою противоположность: свѣтъ—тьму, добро—зло, поэтому зло назначено для того, чтобъ обращаться къ добру“. Это вѣрно по отношенiю къ настоящей войнѣ. Настоящая война также имѣетъ рядомъ съ собой не настоящую ложную войну, войну, которую народъ ведетъ не за свое существованiе, а во имя завоевательныхъ цѣлей, во имя мести или же тогда, когда одинъ народъ нападаетъ на другой изъ зависти къ его мирнымъ успѣхамъ, изъ желанiя отрѣзать его отъ источниковъ, откуда онъ черпаетъ силы для общей культурной работы народовъ. По существу своему настоящая война есть средство защиты противъ хищническихъ и насильственныхъ нашествiй противника. Она поэтому не настоящая война для нападающаго. Въ самомъ дѣлѣ, настоящая война больше нежели другая война, отмѣчена явной печатью лживой, неистинной войны. Это скорѣе не война, а простое нападенiе. Она происходитъ въ наглой обстановкѣ лжи. Ложь—заступничество Россiи за Сербiю! За этимъ заступничествомъ скрыто же-

ланіе совершить вооруженное нападеніе на Австрію и Германію! Ложь—англійскій протестъ противъ нарушенія нейтралитета Бельгіи, нейтралитетъ, который давно нарушенъ французами, конспирировавшими съ бельгійцами и англичанами, строющими планъ десанта на бельгійской территоріи! Ложь—предложенная Англіей мирная конференція пословъ, которая имѣла цѣль выиграть время для подготовленія задуманнаго плана! А если возвратиться къ прошлому, ложь вся Entente cordiale, это сердечное согласіе, которое внѣшне гарантировало миръ, а на дѣлѣ готовило міровую войну. Только на этой почвѣ возможенъ союзъ между государствами, являющимися противниками по своей культурѣ и исторіи.

Но что значитъ вся эта ложь въ сравненіи съ тѣмъ коварствомъ, съ которымъ англійскій левъ натравилъ на насъ японцевъ. Какъ ярко обнаружилась въ этомъ случаѣ принадлежность этого льва къ кошачьей породѣ. Или существуютъ еще теперь наивные люди, которые вѣрятъ, что этотъ хищническій набѣгъ есть слѣдствіе, самостоятельное побужденіе ловкой дѣль-

ной расы, которая намъ обязана значительной долей своей быстро обрѣтенной культуры. Мы, профессора, имѣемъ въ своемъ распоряженіи убѣдительныя доказательства противоположнаго характера. Мы знаемъ ихъ, этихъ любезно улыбающихся жителей далекаго островного государства, рѣдко упускавшихъ случай въ концѣ семестра являться къ намъ засвидѣтельствовать свои чувства благодарности. Но этотъ разъ случилось нѣчто иное. Никто изъ этихъ маленькихъ господъ не являлся. Они уѣзжали „по-французски“, какъ обычно говорятъ. Они къ концу семестра исчезали одинъ за другимъ, за нѣсколько дней до объявленія Германіей Англіи войны. Они открыто слѣдовали указанію своего правительства, а нѣкоторые изъ нихъ уѣхали, не заплативъ своихъ долговъ. Они умно разсуждали: что значитъ рядомъ съ великимъ долгомъ нашего отечества по отношенію къ Германіи маленькіе должки, которые съ насъ причитаются нашимъ нѣмецкимъ хозяевамъ? Нѣтъ, нападеніе японцевъ не ими самими придумано. Это режиссеръ съ береговъ Темзы инсценировалъ въ этой великой трагедіи народовъ и эту маленькtю сатиру.

Но этотъ коварный актъ стушевывается, если сопоставить его съ тѣми пріемами и формами.

въ которыхъ наши враги, главнымъ образомъ Англія, ведутъ эту войну.

Способъ и форма веденія ими войны не только противорѣчатъ законамъ гуманности, но и общепризнаннымъ законамъ, обязательнымъ для воюющихъ цивилизованныхъ народовъ. Не будемъ говорить о звѣрствахъ, бельгійцевъ, которыя могутъ быть объяснены звѣриной яростью отдѣльныхъ лицъ, хотя имѣется достаточно данныхъ полагать, что штатскіе разбойники дѣйствовали съ вѣдома своего правительства и военныхъ властей.

Обойдемъ молчаніемъ дурное обращеніе во Франціи съ нѣмцами и австрійцами. Хуже всего способъ веденія настоящей войны со стороны Англіи. Съ тѣхъ поръ, какъ Гуго Гроцій написалъ въ 1625 году свое знаменитое сочиненіе о правѣ войны и мира, для всѣхъ культурныхъ народовъ превратилось въ аксіому положеніе, что война не есть безправное состояніе, но что она, какъ и миръ, имѣетъ свои правовыя нормы. Эти правовыя нормы войны сильнѣе правовыхъ нормъ мира, но по основѣ своей онѣ одинаковой природы; ибо ихъ цѣль, по мѣрѣ возможности, ограничивать неизбѣжные ужасы войны. Онѣ поэтому проникнуты тѣмъ же духомъ гуманности, какъ всякая правовая норма.

Но какое дѣло современной Англіи до гуман-

ности, если она изъ нея не можетъ извлекать пользу? Право войны запрещаетъ насиліе надъ нейтральными кораблями и гаванями. Англійскія военныя суда, не считаясь съ этими правилами, нападаютъ на нейтральные порты, уничтожаютъ въ нихъ нѣмецкіе корабли, а англійскій морской министръ восхваляетъ ихъ за эти геройскіе подвиги. Женевская конвенція, заключенная всѣми цивилизованнымигосударствами, запрещаетъ употребленіе пуль думъ-думъ, ибо эти пули не только выводятъ солдата изъ строя, но безъ нужды причиняютъ ему опасныя и мучительныя для жизни раны. Англія и Франція пользуются этими пулями, несмотря на то, что ихъ подписи стоятъ подъ этимъ запрещеніемъ.

Война должна вестись только между вооруженными силами, а не между мирными гражданами. Англійское правительство бойкотируетъ не только германскія торговыя фирмы, но даже фирмы, имѣющія хотя бы одного участника нѣмца, независимо отъ того, какой странѣ эти торговые дома принадлежатъ. Англія такимъ образомъ ведетъ войну противъ каждаго отдѣльнаго нѣмца. Страна, родственная Германіи, Англія дѣлаетъ все, чтобы превратить эту войну въ расовую. Поэтому Англія по крайней мѣрѣ для этой войны вычеркнула себя изъ ряда ци-

вилизованныхъ государствъ. Союзники Англіи состязаются съ ней въ области беззаконія. Нѣтъ, эта война для нашихъ противниковъ не есть настоящая война, ибо она вообще не война: и война имѣетъ свои права и свои законы. Это безчестный и хищническій набѣгъ и его средства—грабежъ, пиратство и морское разбойничество, а не открытое честное сраженіе съ оружіемъ въ рукахъ.

Нѣкоторые изъ насъ уже ставятъ тревожный вопросъ, удастся ли намъ побѣдить врага, пользующагося подобными средствами и численностью насъ превосходящаго? Развѣ мы не знаемъ изъ опыта, что не всегда право побѣждаетъ безправіе. Но на этотъ вопросъ даетъ намъ отвѣтъ англичанинъ Джонъ Бэрнсъ, который въ эти дни раскрывалъ передъ министромъ сэромъ Эдуардомъ Греемъ послѣдствія его дѣяній. Народъ, подобный германскому, обладающій столь рѣдкимъ единодушіемъ, забывшій всѣ партійные раздоры и частныя убѣжденія, сплотившійся воедино для защиты своего права, проявляющій столько изобрѣтательности въ этомъ отношеніи, можетъ случайно потерпѣть пораженіе, но не можетъ быть побѣжденъ. Въ каждомъ пораженіи онъ будетъ черпать новую мощь, пока окончательно не сломитъ врага. Къ этимъ словамъ

англичанина мы должны прибавить еще слѣдующее. На полѣ брани солдатъ не долженъ думать о возможности пораженія. Чтобы побѣдить, онъ всегда долженъ думать о побѣдѣ и только о ней. То, что наши солдаты проникнуты этимъ духомъ побѣды, въ этомъ мы убѣждаемся ежедневно, когда мы ихъ видимъ дефилирующими передъ нами и когда мы узнаемъ объ ихъ быстромъ побѣдоносномъ шествіи впередъ. Но и мы, мирные граждане, должны быть проникнуты этимъ духомъ. Мы побѣдимъ, ибо мы должны побѣдить. Насъ не должны пугать ни повидимому несмѣтныя, неисчерпаемыя русскія полчища, ни могучіе англійскіе корабли. Когда въ 1899 году, по инціативѣ Царя, была созвана гаагская мирная конференція, возникъ вопросъ о допустимости участія въ войнѣ воздушныхъ кораблей. Представители всѣхъ державъ были склонны высказаться за запрещеніе, и только одна Англія была противъ этого. На этотъ разъ она была права; ибо воздушный корабль не пользуется средствами, отличными отъ средствъ, которыми пользуются во время войны на сушѣ и на морѣ.

Напротивъ это гуманное средство веденія войны постольку, поскольку оно способствуетъ ея болѣе скорому окончанію. Англія тогда конечно мало думала объ успѣхахъ открытія на-

шего славнаго Цеппелина. Но она на всякій случай не хотѣла отказаться отъ возможной пользы воздушнаго флота. Она могла предполагать, что странѣ, которой принадлежитъ самый могучій морской флотъ будетъ навѣрное принадлежать самый могучій воздушный флотъ, если таковой когда нибудь появится. Однако событія сложились иначе. Какъ это всѣмъ намъ извѣстно, Англія все еще имѣетъ перевѣсъ на морѣ. Но мы довѣряемся геройству нашего флота, горящему желаніемъ принять бой въ открытомъ морѣ съ англійскимъ флотомъ, и мы вѣримъ, что какъ на сушѣ, такъ и на водѣ численный перевѣсъ не рѣшаетъ участи борьбы. Мы еще возлагаемъ надежды на то, что морской бой будетъ одновременно происходить на водѣ и въ воздухѣ. Но гдѣ англійскій воздушный флотъ? Можетъ быть, когда бомбы нашихъ Цеппелиновъ будутъ поражать англійскіе дредноуты, англійскіе государственные люди оглянутся назадъ на гаагскую конференцію, на которой они отстаивали участіе воздушнаго флота и вспомнятъ старую пословицу: кто роетъ для другого яму, самъ въ нее падаетъ.

Мы твердо вѣримъ въ нашу силу, въ правоту нашего дѣла. Мы поэтому не сомнѣваемся въ побѣдоносномъ для насъ исходѣ этой намъ

навязанной войны. Мы увѣрены въ побѣдѣ, не частичной, а полной, но все же передъ нами стоитъ вопросъ: какова цѣль этой побѣдоносной для насъ войны? Каждое человѣческое дѣяніе имѣетъ свою цѣль, въ которой дѣйствующій отдаетъ себѣ отчетъ въ самомъ началѣ дѣйствія. Тѣмъ болѣе должна быть ясна цѣль настоящей войны, требующей почти сверхчеловѣческаго напряженія. Каждый изъ насъ сознаетъ, что ея единственной цѣлью не можетъ быть обезоруженіе врага, который, оправившись, лучше вооружится и совершитъ вторичный набѣгъ на насъ. Само собой понятно, что милліоны и милліарды, поглощаемые войной, играютъ только второстепенную роль. Вообще нельзя компенсировать деньгами матеріальныя и человѣческія жертвы, приносимыя Молоху настоящей войны. Къ тому же денежная компенсація можетъ только отсрочить вторичное нападеніе, но она не въ состояніи дѣлать его невозможнымъ. Война 1870 г. показала каждому изъ насъ, пережившему ея послѣдствія, что слишкомъ большой притокъ золота — сомнительное благо, если не открыты пути для использованія этого богатства. Этими путями должно быть для насъ только увеличеніе нашихъ колоній. Англія намъ сама указала этотъ путь: въ самомъ началѣ войны

она забрала отъ насъ беззащитное Того, а также наши самоанскія владѣнія. Конечно нельзя назвать этотъ грабежъ окончательнымъ завоеваніемъ, но онъ имѣетъ значеніе символическаго дѣянія и рисуетъ передъ тѣмъ то, что произойдетъ въ случаѣ побѣды Англіи: Англія отъ насъ отниметъ всѣ колоніи. Это будетъ необходимымъ слѣдствіемъ программы изолированія Германіи. Не будемъ говорить о томъ, чего она потребуетъ еще для себя и для своихъ союзниковъ. Не будемъ платить той же монетой.

Кто былъ бы противъ снисходительнаго отношенія къ Франціи, достойной сожалѣнія, введенной въ заблужденіе безсовѣстными политическими интриганами. Только на одномъ придется настаивать въ интересахъ европейскаго міра: заставить Францію разъ на всегда отказаться отъ идеи реванша. Главнымъ образомъ придется сосчитаться съ Англіей: кому много дано, отъ того много спросится. Къ тому же Англія, будучи маленькимъ государствомъ, обладаетъ слишкомъ большими колоніальными владѣніями. Ей конечно придется очень много уступить изъ своихъ колоній, если эта война принесетъ съ собою справедливое распредѣленіе колоніальной культурной работы націи. Въ остальномъ мы можемъ оставить за Великобри-

таніей дальнѣйшее развитіе ея колоніальной мощи, о которой говорилъ Джонъ Бэрнсъ. Болѣе ясной рисуется передъ нами цѣль войны, цѣль и задачи войны по отношенію къ третьему члену тройственнаго согласія. Со временъ Петра Великаго Россія видѣла свою задачу въ томъ, чтобы пріобщать свои варварскія земли къ западно-европейской культурѣ. Она стремилась разрѣшать эту задачу при помощи нѣмцевъ. Нѣмецкіе государственные люди большею частью направляли ея политику. Нѣмецкіе офицеры обучали ея армію. Въ области науки она большей частью обязана своими знаніями нѣмецкимъ ученымъ. Петроградская Академія еще недавно была Нѣмецкой Академіей, Нѣмецкій Дерптскій Университетъ былъ важнѣйшей русской высшей школой. За послѣднія десятилѣтія Россія все болѣе и болѣе измѣняла своимъ великимъ историческимъ задачамъ. Ослѣпленная панславизмомъ, она превратилась въ полную противоположность себѣ. Теперь Россія написала на своемъ знамени не цивилизованіе своихъ варварскихъ земель, а варваризацію культуры. Она такъ сильно угнетала присоединенныя къ ней польскія провинціи, что состояніе Русской Польши въ мирное время представляетъ собою ничто иное какъ осадное положеніе. Желѣзнымъ своимъ

кулакомъ она возымѣла намѣреніе руссифицировать свои нѣмецкія прибалтійскія провинціи: нѣмецкій языкъ, нѣмецкую культуру она силой хочетъ выгнать изъ этихъ провинцій, а нѣмецкій дерптскій университетъ она превратила въ русскій. Она даже перемѣнила названіе, чтобы доказать, что отъ германской культуры, которой Россія должна быть обязана своимъ возрожденіемъ и своей культурой, не должно остаться и слѣда.

Но исторія должна хранить въ своей памяти и считать эту войну истинной и священной въ томъ и главнымъ образомъ въ томъ, что она будетъ разсматривать ее какъ актъ, обезпечившій міру длительный миръ. Мы глубоко вѣримъ, что послѣ этой войны, которую Германія и Австрія ведутъ сообща въ родственномъ бранномъ союзѣ, связь между этими странами станетъ еще болѣе тѣсной и будетъ она прочнѣе случайнаго Тройственнаго Союза, вызваннаго случайными политическими обстоятельствами. Но создавать длительный миръ не по силамъ одному государству, и эту задачу осуществитъ призванная къ жизни

Центральная Европейская Федерація, которая будетъ играть въ Европѣ такую же роль, какую играютъ Соединенные Штаты для Новаго Свѣта. Въ этомъ фактѣ скрыто болѣе глубокое значеніе союза, который въ теченіе долгихъ лѣтъ все крѣпче связываетъ Германію съ Сѣверной Америкой. Обезпечить за міромъ миръ, забота о благахъ культуры и ихъ распространеніе—такова будущая миссія обоихъ народовъ по сю и ту сторону океана. Но эта задача возлагаетъ на насъ тяжелыя обязанности, и о ней намъ придется позаботиться сейчасъ же послѣ побѣды. Мы нѣмцы не можемъ сидѣть сложа руки, мы не можемъ наслаждаться благами, не нами заслуженными. Мирная работа— стихія, въ которой мы живемъ. Чѣмъ могущественнѣе станетъ наше государство, чѣмъ богаче станутъ источники мирной работы для каждаго, тѣмъ болѣе возрастутъ обязанности, которыя выпадутъ на долю не только нашего государства, но и каждаго изъ насъ, ибо намъ придется заботиться о томъ, чтобъ завоевать для нашего народа руководящую роль въ общей работѣ надъ созиданіемъ великихъ благъ культуры и закрѣпить эту роль за нимъ. Въ эти роковые моменты и долго послѣ нихъ будемъ помнить слова нашего Канта: Высшее для человѣка—есть долгъ, а величайшее благо міра—нравственная воля.

Карлъ Лампрехтъ.

Къ современному положенію.

Въ царствѣ великихъ историческихъ свершеній можно отдѣлить два процесса крайне различнаго проявленія. Иногда рѣчь идетъ о быстромъ личномъ дѣйствованіи. Въ немъ есть нѣчто молніеподобное. Оно съ творческой силой исходитъ изъ воли и разума героя. Оно носитъ характеръ внезапнаго акта и, навѣрное, его мотивы и подготовительныя ступени не цѣликомъ осознаны для дѣйствующаго лица. Но не меньше значеніе имѣютъ такіе историческіе процессы, наступающіе хотя и внезапно, все же опредѣляющіе конечный исходъ общаго движенія и отражающія дѣянія всѣхъ. И эти процессы нерѣдко содержатъ въ себѣ нѣчто грандіозное, но мы видимъ, какъ они подготовляются. Часто ихъ сравниваютъ съ великими событіями въ исторіи земли. Подобно тому, какъ тамъ ужасныя катастрофы подготовляются медленно

въ глубинахъ геологическихъ пластовъ, въ тихой столѣтней и тысячелѣтней работѣ силъ вывѣтриванія и деформаціи каменныхъ породъ, такъ и эти историческіе процессы нерѣдко завершаются катастрофами только послѣ долгаго подготовленія.

Само собой понятно, что въ подобныхъ случаяхъ существо совершающагося не дано въ пестрой картинѣ катастрофы и внезапнаго развитія. Оно скорѣе сокрыто въ спокойной, неподвижной массѣ преобразовывающагося и расцвѣтающаго цѣлаго. Нѣчто подобное представляетъ собой набѣгъ волнъ океана, въ дѣйствіи которыхъ глазъ прежде всего приковываетъ ужасное столкновеніе гребней валовъ, распыляющее цѣлую водяную стѣну на отдѣльныя части, между тѣмъ какъ настоящая движущая сила, отклоняющая корабль отъ своего пути, скорѣе дана въ колоссальной амплитудѣ связанныхъ массъ волнъ. Мы теперь будемъ заниматься не первой формой событій. Наши чувства и наши сердца теперь полны подвигами нашихъ героевъ, и только искусство пѣвца и рѣдкое теперь искусство великаго разсказчика были бы въ состояніи насъ очаровывать, и придавать имъ реальный характеръ. Мы не беремъ на себя подобной задачи, и мы ищемъ не то, что могло бы

намъ дать подобный разсказъ. Мы живемъ великой надеждой побѣдителя и, мнѣ кажется, этотъ фактъ даетъ намъ счастливый случай сдѣлать изъ него правильную историческую оцѣнку нашего современнаго положенія.

Историкъ, который въ будущемъ предприметъ характеристику послѣдняго десятилѣтія, если онъ станетъ исходить изъ общей, исторической точки зрѣнія, на первомъ мѣстѣ нарисуетъ картину громаднаго роста обмѣна и взаимноотношеній между отдѣльными народами міра. Мы знаемъ, что современная эволюція нашей хозяйственной жизни сопровождается развитіемъ чувства мірового гражданства. Героемъ новаго хозяйственнаго прогресса является купецъ, а купецъ—герой мира. Широкія отношенія, столкновенія и конфликты экономическихъ интересовъ подъ знакомъ всеобщаго мира — таковъ идеалъ современной хозяйственной жизни. Всѣмъ извѣстно, что этотъ идеалъ выдвинулъ для народовъ западной Европы и Америки пацифистическое ученіе, которое несмотря на гоненія интригующей дипломатіи, овладѣло сердцами многихъ, а его приверженцы вѣрили въ его скорое осуществленіе.

Но рядомъ съ этимъ движеніемъ обще-мірового гражданства, принявшимъ болѣе значи-

тельные размѣры въ середину XIX столѣтія, хотя въ Германіи его вліяніе начинается только въ девяностые годы истекшаго столѣтія, имѣетъ мѣсто болѣе старое и болѣе сильное движеніе— національное. Если исходить изъ германскихъ отношеній, то первая половина XVIII столѣтія очень слабо знала то, что̀ наши отцы и дѣды называли національнымъ сознаніемъ; оно еще могло быть слабой стороною какого-нибудь великаго поэта или мыслителя. Съ тѣхъ поръ національное сознаніе достигло необыкновенной высоты, на которой оно теперь находится. Причиной этого явленія служитъ великое преобразованіе духовной національной жизни, постоянно имѣющее мѣсто у высоко культурныхъ народовъ и дѣлающее то, что у индивидуума вырабатывается болѣе высокое сознаніе его связи съ историческими элементами его націи, а также съ національными кругами окружающаго его міра. Изъ этого движенія вытекаетъ совершенно иное отношеніе государства къ народу, нежели это было раньше. Раньше народы жили собственнымъ, естественнымъ процессомъ своего развитія. Государство было для нихъ нѣчто имъ навязанное, словно принудительный институтъ для регулированія главнымъ образомъ внѣшнихъ формъ ихъ существованія.

Ленное, абсолютное государство — таковы названія, которыми въ тѣ времена назывались государства.

Впослѣдствіи, при болѣе глубокомъ охватѣ національныхъ взаимоотношеній, государство превращается въ современное гражданское государство, въ которомъ каждый ищетъ и находитъ свое призваніе, одновременно приказываетъ и подчиняется, и государство и народъ соединяются вмѣстѣ. Изъ этого соединенія, какъ это столь ясно видно изъ исторіи развитія германскаго національнаго сознанія въ XIX столѣтіи, вырастаетъ колоссальная сила національнаго сознанія современныхъ народовъ. Могучія, связующія и внутренно сплетающіяся силы новой хозяйственной жизни, въ которую нашъ народъ вступилъ, начиная съ 80-хъ годовъ истекшаго столѣтія, еще больше усиливаютъ это сознаніе. Такимъ путемъ сложилось наше современное національное сознаніе.

Нарисованный нами вкратцѣ процессъ принадлежитъ отнюдь не одной только германской исторіи. Это—нѣчто общее, движущее европейской исторіей, и поэтому его внѣшнее проявленіе проникаетъ даже въ исторію высоко цивилизованныхъ азіатскихъ народовъ; его можно прослѣдить въ Новомъ Свѣтѣ у народовъ американскихъ ко-

лоній. Можно сказать, что въ настоящее время этотъ націонализмъ есть вообще самая большая движущая сила исторіи. И даже ужасы, которые въ послѣдніе годы имъ были позорно вызваны,— во время балканской войны, въ эту войну при отвратительныхъ вооруженныхъ нападеніяхъ французовъ и бельгійцевъ, — показываютъ, до какой степени безумной ярости націоналистическое движеніе зажгло народы Европы.

И если мы спросимъ, какимъ образомъ человѣчество дошло до состоянія такой сильной раздражительности, намъ укажутъ на удивительное сочетаніе національнаго и космополитическаго сознанія. Пророки мира тосковали по времени, когда отдѣльные великіе народы міра, занимаясь каждый въ области своей дѣятельности выполненіемъ своего особаго призванія, будутъ стоять рядомъ и помогать другъ другу въ мирной работѣ надъ развитіемъ общихъ идеаловъ. Но ужасное настоящее слишкомъ ясно показываетъ, какъ далеко еще человѣчество отъ осуществленія этихъ желаній. Мы видимъ передъ собою нѣчто совершенно иное. Отдѣльные великіе народы міра не хотятъ общей, дружной работы. Нѣтъ, цѣль каждаго изъ нихъ подчинить другой народъ, и въ хаосѣ отдѣльныхъ національныхъ стремленій картина мирнаго сотрудничества при-

нимаетъ характеръ стремленія подчинять и господствовать. Въ этомъ отношеніи нынѣ живущія націи въ ихъ стремленіяхъ соприкасаются съ національными идеалами и съ чувствами давно истекшихъ столѣтій. Каждый народъ низшей культуры съ узкимъ горизонтомъ своей исторической жизни считаетъ себя единственнымъ избранникомъ, а остальныхъ—людьми низшей породы, варварами. Нѣчто отъ этихъ чувствъ сопровождаетъ всѣ народы въ процессѣ ихъ дальнѣйшаго развитія, и мысль объ избранствѣ въ любой формѣ легко присоединяется къ первоначальной гордости. Изъ совокупности всего этого впослѣдствіи вырастаютъ претензіи, которыя нерѣдко сплетаются съ исконными религіозными чувствами и образуютъ духовную почву, изъ которой извлекаютъ питательные матеріалы все бытіе и воленіе каждаго отдѣльнаго члена народа.

Такова духовная основа англичанина, характеристика котораго можетъ быть дана въ краткихъ чертахъ. Онъ вѣритъ въ предопредѣленіе своего народа къ міровому господству. Онъ считаетъ себя не только призваннымъ, но еще избраннымъ, и онъ не лицемѣритъ, когда его дѣйствія основаны на мотивахъ, исключающихъ всѣ остальные народы изъ высшей среды чело-

вѣческаго бытія. Подобныя чувства совершенно чужды другимъ народамъ, и мы можемъ сказать, что міръ не будетъ знать покоя до тѣхъ поръ, пока это чувство не будетъ окончательно искоренено. Но мы должны признать, что и Франція въ теченіе столѣтій имѣла подобныя претензіи, хотя выраженныя въ болѣе мягкой формѣ. И она претендуетъ на предводительство человѣчествомъ. А въ послѣднее время, если ужъ не съ конца XIX столѣтія, мы, нѣмцы, сперва въ слабой, а затѣмъ все въ большей степени проникаемся сознаніемъ, что и мы принадлежимъ къ избраннымъ народамъ.

Нельзя не признавать, что пацифистическій идеалъ человѣчества, объединеннаго въ одно цѣлое, далекъ отъ своего осуществленія. Еще далеко время, когда отдѣльные народы, признавая историческія цѣнности каждаго, сольются въ одно цѣлое и будутъ дружно двигаться впередъ по пути прогресса. Современное быстрое сближеніе народовъ, вызываемое условіями обмѣна, привело, напротивъ, къ другому результату; самые благородные народы стремятся къ господству надъ остальными, доводятъ это стремленіе до желанія взаимнаго уничтоженія. Въ этомъ — содержаніе ужасной войны, намъ объявленной: хотятъ устранить болѣе молодого

соперника, который, по молчаливому или ясно высказанному мнѣнію сотрудничающихъ съ нимъ народовъ, питаетъ надежду успѣшно приблизиться къ цѣли.

Однако, первыя недѣли войны показали, что, рядомъ съ огромными силами, таящимися въ нѣдрахъ народа и человѣчества, обрушивающимися всей тяжестью дремлющихъ въ нихъ противорѣчій, дѣйствуютъ еще другія силы, которыя до сихъ поръ недостаточно оцѣнивались и которыя теперь, въ общемъ натискѣ обстоятельствъ, выступаютъ наружу. Я бы ихъ назвалъ культурой и расой.

Подойдемъ ближе къ фактамъ.

Мы кромѣ того пережили нѣчто удивительное: въ области германской культуры всякій народъ проявляетъ свои симпатіи и интересы къ германскому дѣлу. Стоитъ только вспомнить, какъ сильно привязаны Швеція, Голландія, Данія и Норвегія къ Германіи. Теперь общественное мнѣніе объ этомъ забыло. Крайне удивительна въ этомъ отношеніи различная форма обращенія съ нашими войсками со стороны Люксембурга и Бельгіи: въ Люксембургѣ живутъ германскія основы, и проходъ нашихъ войскъ былъ встрѣченъ со спокойствіемъ. Напротивъ, въ валлонской Бельгіи имѣли мѣсто всѣ ужасы

и низости народной войны. Въ сторонѣ стоитъ только одна Англія. Но всѣмъ извѣстно, что Англія пропитана не чисто германскимъ, а скорѣе кельтскимъ духомъ, что государство бритовъ, нѣкогда богатое культурой, теперь переживаетъ моменты упадка. Эта точка зрѣнія представляетъ собой весьма удобный пунктъ для обозрѣнія и оцѣнки германства въ Европѣ. Уже крайне важно то, что молодая культура сѣверной американской націи мѣстами вытѣсняетъ культуру англо-саксонскую. Нельзя также отрицать, что англійской культурѣ угрожаетъ германская культура, культура ихъ будущихъ побѣдителей. Слѣдуетъ уяснить себѣ эту связь, чтобы понять симпатіи за-атлантической республики и ея радости по поводу нашихъ успѣховъ.

Здѣсь открываются для германской расы болѣе широкіе горизонты. Если отмѣтить народы Европы, симпатіи которыхъ на сторонѣ нѣмцевъ, то въ американскомъ сознаніи должны выработаться новыя расовыя понятія, которыя можно обозначить терминомъ „тевтонизмъ“.

Эти новые факторы возвѣщаютъ живую будущность тевтоно-германской расы. Только Англія въ этомъ отношеніи составляетъ исключеніе, и въ настоящее время англо-саксонской культурѣ угрожаетъ опасность.

Въ совершенно иномъ, противоположномъ свѣтѣ, выступаетъ романство. Францiя, если не считать Бельгiи, стоитъ одиноко среди народовъ своей расы, и это вѣрно; ибо Испанiя и Португалiя—только замаскированныя владѣнiя Англiи. И у итальянцевъ, какъ это до сихъ поръ сказывалось, расовыя чувства не были настолько сильны, чтобы взять верхъ надъ запросами государства и политики.

Въ послѣднее время поразительное, скорѣе для насъ нѣмцевъ неожиданное, явленiе представляетъ собою развитiе славянства.

Конечно, панславизмъ до нѣкоторой степени смѣшной и исторически не оправдываемый фактъ. Сто лѣтъ тому назадъ панславизмъ жилъ только въ умахъ нѣкоторыхъ профессоровъ, и даже въ главный революцiонный годъ истекшаго столѣтiя, въ 1848 году, отъ него рѣшительно отреклись. Въ основѣ своей панславизмъ былъ всегда только маской для сокрытiя претензiй на мiровое господство со стороны неглубокихъ русскихъ общественныхъ слоевъ, которые долгое время были опьянены ложнымъ пониманiемъ культурныхъ идеаловъ Запада, особенно Францiи. Вопреки этому, послѣднiя поколѣнiя были свидѣтелями того, какъ постепенно расширялись предѣлы панславизма.

На панславизмѣ Россія основывала свои претензіи на общее руководительство славянскимъ міромъ. Противъ ожиданія, подъ вліяніемъ угрожающихъ событій войны, славянскій міръ объявилъ себя противникомъ Россіи, и инстинктивно, въ надеждѣ обрѣсть бо́льшія политическія права, сталъ подъ знамена Австро-Венгріи. Внутреннія силы удивительнаго движенія, котораго нельзя было провидѣть, лежатъ въ отрицательномъ отношеніи къ монголо-татарской Россіи, а прежде всего въ дѣйствіи старыхъ культурныхъ вліяній. Мы, нѣмцы, должны помнить, что западные славяне суть носители старой латинской культуры и что они вслѣдствіе этого проходили черезъ тѣ же воспитывавшія ихъ испытанія, черезъ которыя проходили націи старо-римскаго Имперіи. Очень важно намъ, нѣмцамъ, помнить, что чехи подъ руководствомъ германцевъ еще въ XIV столѣтіи пережили Ренесансъ, который быстро исчезъ съ Іоанномъ Гусомъ. Польское возрожденіе самостоятельно развивалось рядомъ съ германскимъ. Что касается южно-славянскихъ народовъ, то тѣ, кто путешествовалъ по адріатическому побережью, знаютъ до какой степени они проникнуты вліяніемъ ренесанса. Съ того времени и даже позже, западное славянство входитъ въ царство общей—

европейской культуры. И вѣрно то, что въ это царство оно входитъ, благодаря германской и даже нѣмецкой культурѣ. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ оно еще даже и до сихъ поръ не можетъ обходиться безъ нашей помощи.

Если помнить все сказанное, тогда настоящая война, которая теперь ведется противъ Англіи и Франціи, выступаетъ въ области общаго теченія европейской исторіи, какъ послѣдняя война германства и латинскаго славянства противъ восточнаго варварства, и одна прямая линія ведетъ отъ войнъ съ гуннами, мадьярами и турками къ развивающимся нынѣшнимъ событіямъ. Это—связь, которая опредѣляетъ теперь и которая еще будетъ опредѣлять истинное положеніе Австріи въ ожидающихъ ее тяжелыхъ неизбѣжныхъ войнахъ. Это та движущая сила, которая выступала въ борьбѣ противъ нашествія турокъ. Обнаженіе меча противъ Россіи вызываютъ въ Австріи самыя свѣтлыя воспоминанія о ея славномъ прошломъ.

Но въ какомъ положеніи находишься ты нѣмецкій народъ, среди всѣхъ превратностей и измѣненій, о которыхъ до сихъ поръ шла рѣчь?

Оказался ли ты достойнымъ того, чтобы играть, если не первую, то хотя бы одну изъ первыхъ

ролей въ кровавомъ столкновеніи народовъ, бѣшеный танецъ которыхъ теперь начинается? Оправдались ли твои міровыя задачи? Имѣешь ли ты право гордиться высокими способностями и присущей тебѣ могучей нравственной властью надъ собой, которыя даютъ тебѣ одному право претендовать на высокое положеніе въ мірѣ? Есть ли ты въ дѣйствительности благородный народъ, который долженъ стремиться впередъ со свѣтлой вѣрой, что его услугами міръ еще разъ воспользуется! Твои идеалы, которые навѣрное никогда не смогутъ претвориться въ дѣйствительность, достигли ли высоты подобнаго сознанія, дабы стать гражданскимъ чувствомъ каждаго, гдѣ бы онъ ни жилъ?

Вы всѣ, сидящіе здѣсь, должны дать отвѣтъ на эти вопросы. Въ августѣ пробили для нашего народа часы великихъ испытаній. И то, что̀ мы видѣли своими глазами и чувствовали своими чувствами, служитъ доказательствомъ, что наша нація способна на все, и на все великое въ мірѣ. Это прочное завоеваніе нашихъ дней. Оно никогда не исчезнетъ со страницъ нашей исторіи. Оно тяжелая игра, которую мы вправѣ класть на колеблющіяся чашки вѣсовъ войны въ нашу пользу.

Въ эти дни кто бы не отдавалъ всего, чтобы

быть нѣмцемъ! Куда бы мы ни смотрѣли на проницательныя и высоко нравственныя натуры, выдающіеся люди другихъ націй,—всѣ питаютъ къ намъ зависть, и мы подслушиваемъ ихъ: „Еслибъ мой народъ былъ такой же, какъ этотъ"! Не забудемъ этихъ часовъ, и пусть наше отечество процвѣтаетъ въ вѣчномъ блескѣ своего счастья.

Анри Бергсонъ.

МЫСЛИ О ВОЙНѢ.

(Autour de la guerre) [1].

Философія говоритъ: „Понять — и не возмущаться!"

Я лично не согласенъ съ этимъ и, если бы мнѣ было предоставлено право выбора, я предпочелъ бы: возмущаться и не понимать. Рѣчь идетъ объ отношеніи къ преступленію. Я хочу еще указать на то, что имѣется родъ преступленій, которыми возмущаешься тѣмъ больше, чѣмъ глубже проникаешь въ причины, породившія ихъ. Для примѣра разберемся въ причинахъ нынѣшней войны. Продолжительныхъ экскурсій въ области исторіи и философіи не потребуется.

Былъ нѣкогда человѣкъ, который олицетворялъ всю Пруссію. Это былъ геній, геній зла, ибо не зналъ, что такое—сомнѣніе, честь,

---

[1]) Переводъ Зин. Львовскаго.

законъ, жалость и душа. Было единственное препятствіе, которое могло бы помѣшать его стремительному движенію впередъ: Австрія. Онъ сбросилъ съ пути своего и это препятствіе.

Онъ сказалъ: „Вмѣстѣ съ чисто прусской дисциплиной и централизацiей мы привьемъ Германіи всѣ наши основныя свойства: прусское честолюбіе, прусскіе аппетиты. Если она начнетъ колебаться, если союзные народы не пожелаютъ слушаться насъ, я знаю, чѣмъ дѣйствовать на нихъ: ихъ объединитъ чувство ненависти. Я брошу ихъ противъ нашего общаго врага, котораго мы обманемъ, на котораго нападемъ врасплохъ. И въ рѣшительный часъ, въ побѣды часъ, я подойду со своимъ счетомъ и заставлю всѣхъ расписаться на немъ точно такъ же, какъ Мефистофель заставилъ расписаться Фауста собственной кровью“.

Человѣкъ этотъ сдѣлалъ такъ, какъ задумалъ, какъ хотѣлъ. Договоръ былъ заключенъ. Но для того, чтобы этотъ договоръ не былъ нарушенъ, потребовалось кое-что. А именно: вся Германія должна была оставаться на военномъ положеніи. Бисмарку,—рѣчь идетъ о немъ!—и это удалось. Въ одну изъ минутъ откровенности онъ изрекъ слѣдующее: „Послѣ Садовой мы ничего не взяли отъ Австріи, такъ какъ пони-

мали, что рано или поздно наступитъ день, когда мы должны будемъ помириться съ ней“. Забирая у Франціи Эльзасъ и Лотарингію, Бисмаркъ прекрасно учитывалъ тотъ фактъ, что съ Франціей Германія никогда не помирится, а слѣдовательно съ ней нечего считаться. Онъ понималъ, что для цѣлостности Германіи необходимо, чтобы она всегда чувствовала себя на положеніи воюющей державы и чтобы была вооружена съ головы до ногъ.

Нѣкоторые недальновидные люди полагали, что Германія уничтожитъ прусскій милитаризмъ. Вышло наоборотъ: она только усилила его, она превратилась въ Пруссію въ увеличенномъ масштабѣ. Огромная машина съ каждымъ днемъ выигрывала въ мощности и сложности, но конечный эффектъ нѣсколько разнится отъ того результата, на который разсчитывалъ конструкторъ.

Разберемся въ этомъ результатѣ. Онъ стоитъ того.

Прусскіе короли, подчиняясь своему инстинкту завоевателей, всѣми силами и средствами способствовали улучшенію своей арміи. Во времена оны хищническіе порывы ограничивались лишь захватомъ сосѣдской земли: въ землѣ заключалось все богатство. Но съ XIX вѣка начинаетъ

намѣчаться нѣчто новое и весьма характерное. Какъ извѣстно, основная идея этого вѣка заключалась въ томъ, чтобы подчинить науку обиходу. Это стремленіе вызвало столь исключичительное развитіе индустріи—слѣдовательно и торговли!—что всѣ прежнія представленія о богатствѣ потерпѣли жестокое крушеніе. Для этого переворота потребовалось около 50 лѣтъ, не болѣе.

Германія, страна земледѣльческая наканунѣ франко-прусской войны, начиная съ семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, съ головокружительной быстротой превращается въ страну чисто коммерческую. Основные принципы ея не претерпѣли отъ того ни малѣйшаго измѣненія. Напротивъ того, эти принципы всего болѣе способствовали ея успѣхамъ на новомъ поприщѣ. Ея дисциплинированность, методичность, упорство и какая-то особая физическая устойчивость оказали ей громадную услугу. Этимъ качествамъ она обязана своимъ военнымъ могуществомъ. Она создала себѣ индустрію и коммерцію, столь же страшныя и подавляющія, какъ и ея армія.

Съ тѣхъ поръ внимательному наблюдателю стало видно слѣдующее: въ ногу, оказывая другъ другу поддержку, стали шествовать—съ одной стороны индустрія, которая возникла по призыву

завоевательскаго инстинкта, а съ другой стороны—армія, олицетворявшая этотъ инстинктъ. Рядомъ съ арміей, еще покачиваясь отъ слабости, держался нарождающійся флотъ.

Германская индустрія продолжала развиваться, имѣя предъ собой все тѣ же цѣли,—военныя цѣли. Въ огромныхъ заводахъ, подобныхъ которымъ еще не видывалъ свѣтъ, съ ранняго утра до поздней ночи работали тысячи, десятки тысячъ рабочихъ, готовившихъ пушки, ружья, лафеты, разные станки и тому подобное. Рядомъ съ заводами находились безчисленныя лабораторіи, въ которыхъ человѣческій геній неустанно работалъ надъ всевозможными усовершенствованіями въ области смертоносныхъ орудій.

Въ свою очередь, армія и флотъ, обязанные своимъ чудовищнымъ развитіемъ растущему богатству Германіи, платили свой долгъ тѣмъ, что отдавали себя якобы въ полное распоряженіе промышленниковъ и открывали новые пути и завоевывали новые рынки. Успѣхъ былъ налицо, но онъ былъ связанъ съ уклоненіемъ отъ пути, по которому прусскіе короли хотѣли повести Пруссію, а послѣ того Пруссія—Германію. Рано или поздно Германія должна была очутиться на краю пропасти.

Принято говорить и думать, что завоевательскіе инстинкты не знаютъ границъ, но дѣйствительность создаетъ эти границы, какъ только рѣчь заходитъ о захватѣ чужого добра, въ частности—чужихъ земель. Потребовалась немалая серія войнъ для того, чтобы составить прусское королевство. Но даже самые хищные изъ хищныхъ прусскихъ королей ограничивались захватомъ одной или двухъ вражескихъ областей. Теперь же Германію стала привлекать не только территорія сама по себѣ. Возникли, какъ я уже указалъ, новыя формы богатства. Бѣда вся въ томъ, что къ этимъ новымъ формамъ богатства Германія подошла со старой, ненасытимой потребностью въ захватѣ чужой собственности, каковая потребность все еще величалась „завоевательскимъ инстинктомъ". Германія пошире раскрыла глаза и во всѣхъ частяхъ свѣта увидѣла все необходимое для своей индустріи: прекрасные порты для своихъ судовъ, выгодныя концессіи и т. д. и т. д. Увидѣла—и заявила на все это свои права. Такимъ образомъ осторожная политика, которой всегда придерживались прусскіе короли, которая принесла имъ огромную пользу, смѣнилась чисто авантюристскими пріемами. Бисмаркъ всегда предостерегалъ противъ колоніальныхъ завоеваній и на каждомъ

шагу заявлялъ о томъ, что всѣ колоніи на свѣтѣ не стоятъ жизни одного германскаго гренадера.

Бисмарковскій импульсъ продолжался недолго, и Германія воспользовалась первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы устремиться по двумъ открывшимся направленіямъ: на западъ и на востокъ. Тѣмъ самымъ она въ скрытой формѣ объявила войну народамъ, дружескимъ отношеніемъ или же нейтралитетомъ которыхъ Бисмаркъ очень дорожилъ.

* * *

Начало было сдѣлано, и остановиться было трудно, невозможно. Опьяненная рядомъ блистательныхъ побѣдъ, опьяненная престижемъ, Германія, если можно такъ выразиться, съ головой ушла въ свое матеріальное благополучіе, о которомъ до сихъ поръ и мечтать не смѣла. Она понимала, что всѣмъ обязана силѣ, — грубой физической силѣ! Эта сила дала ей славу и богатство! Значитъ, сила эта таитъ въ себѣ божественные элементы! Несомнѣнно, жестокая сила въ кортежѣ Лжи и Коварства,—жестокая сила, способствовавшая завоеванію чуть ли не всего міра—есть божественное начало! Несомнѣнно еще, что Господь Богъ черезъ германцевъ объявилъ свою волю всей землѣ! Слѣдовательно,

германцы — избранный народъ, господская раса, по сравненію съ которой и рядомъ съ которой всѣ остальные народы—рабы. Такому народу все дозволено. Такой народъ вправѣ пользоваться всѣмъ, что такъ или иначе можетъ способствовать его величію.

Смѣшно въ его присутствіи говорить о жестоко попранномъ законѣ. Законъ есть то, что вписано въ договоръ, а договоръ есть то, что выражаетъ волю побѣдителя. Ибо — сила и законъ суть разныя выраженія одного и того же понятія. Разъ силѣ угодно принять новое направленіе, законъ отходитъ въ область исторіи и пріобрѣтаетъ уже чисто историческое значеніе. Договоръ, включающій этотъ архаическій законъ,— не больше, какъ клочокъ бумаги. Вотъ какъ въ переводѣ на наши понятія выражаются или, по крайней мѣрѣ, должны выражаться чувства восхищенія германцевъ предъ ихъ собственными побѣдами,—предъ грубой силой, породившей эти побѣды, предъ матеріальнымъ благополучіемъ, результатами побѣдъ.

Чудо! По призыву этой болѣзненной идеи со всѣхъ сторонъ сбѣжались тысячи вспомогательныхъ идей, которыя до сихъ поръ преспокойно почивали на полкахъ нѣмецкихъ библіотекъ! Идея сама по себѣ была готова. Надо было

только облечь ее въ пышныя формы и въ должномъ видѣ подать. Пришли на помощь поэты и философы, молодые и старые, живые и мертвые... Съ тѣхъ поръ германскій имперіализмъ получилъ свою доктрину, съ которой стали знакомить не только въ высшихъ, но и среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Нація, не имѣвшая высшаго идеала, который она могла бы противоставить навязываемой ей доктринѣ, волей-неволей должна была подчиниться. Многообразную аберацію германской политики объясняютъ именно этой доктриной.

Несомнѣнно, будетъ такой день, когда Германія сознается въ своемъ нравственномъ и моральномъ паденіи и для своей защиты пожелаетъ предъ всѣмъ свѣтомъ сослаться на то, что она слишкомъ вѣрила въ тѣ или иныя теоріи, въ которыхъ въ концѣ концовъ разочаровалась. Мы должны быть готовы къ этому. Должны быть также готовы къ тому, что она станетъ увѣрять, будто ошибка—не есть преступленіе. Мы должны будемъ отвѣтить ей, что ея „ошибки“ являются законными дѣтищами ея философіи, которая въ свою очередь является продуктомъ ея жестокости, ея алчныхъ аппетитовъ, ея органическихъ пороковъ.

Часть своей тяжкой вины Германія пожелаетъ

сбросить на долю логики. Она будетъ разсуждать такъ. Разъ нѣмцы — избранная раса, то только они пользуются абсолютными правами жизни. Другія расы могутъ жить и существовать только въ тѣни ея славы и могущества. Германія равнодушнô относится къ ихъ прозябанію лишь въ мирное время. Но вотъ объявлена война, и главная и единственная цѣль избраннаго народа заключается въ полномъ уничтоженіи врага. При этомъ она уничтожаетъ не только комбаттантовъ,—она убиваетъ женщинъ, стариковъ и дѣтей. Ея идеалъ подсказываетъ, что она о б я з а н а снести съ лица земли всѣ вражескія города, села, — все населеніе. Теорія германскаго имперіализма ясно и опредѣленно говоритъ объ этомъ.

Съ теченіемъ вѣковъ создалась специфическая военная этика, которая гласитъ, что создавшіеся конфликты разрѣшаютъ только а р м і и. Что же касается невоюющаго населенія, то оно остается подъ защитой всѣхъ законовъ, дѣйствующихъ и въ мирное время. Пруссія, опять же считая, что для нея писаны особые законы, всегда неохотно считалась съ военной этикой. Но въ тотъ самый день, когда прусскій имперіализмъ сталъ г е р м а н с к и м ъ имперіализмомъ и протянулъ могучую длань свою индустріализму,

нѣмцы сбросили маску и опредѣленно заявили, что въ борьбѣ они желаютъ сокрушить не только вражескія арміи, но и вражескую индустрію, и вражескіе источники богатства и существованія. Во избѣжаніе конкуренціи необходимо уничтожить непріятельскіе заводы и фабрики. Врага надо не только сломить, но и разорить, разграбить его города, унести все то, что можно, а остальное предать пламени.

При этомъ одно условіе обязательно: война должна быть молніеносной! И не потому только, что затяжная война можетъ вызвать экономическій кризисъ въ странѣ. Сила Германіи — чисто матеріальнаго свойства, а все матеріальное подвержено непреложному закону изнашиванія. Государственный механизмъ Германіи по своему хорошъ, но изнашиваются и идеальные механизмы! Вотъ почему могучій эффектъ ея неразрывно связанъ съ молніеностью. Германія достигнетъ своей цѣли лишь въ томъ единственномъ случаѣ, если ей удастся сразу же терроризировать врага, парализовать всѣ части его организма. Ясно, что при такихъ условіяхъ не должно быть мѣста колебаніямъ и соображеніямъ моральнаго характера. Отсюда возникаетъ цѣлая система жестокостей, скомбинированная чисто научнымъ способомъ.

Вотъ въ чемъ, на мой взглядъ, заключается объясненіе всего того, чему мы являемся свидѣтелями. Все чаще и чаще на столбцахъ газетъ мелькаетъ терминъ „научное варварство“ или „систематическое варварство“. Несомнѣнно, нѣмецкое варварство, жестоко надругавшись надъ всѣми законами цивилизаціи, достигло небывалыхъ размѣровъ и является залогомъ германскаго могущества. Будущій историкъ, который сможетъ болѣе безпристрастно и спокойно разобраться въ переживаемыхъ нами событіяхъ, касаясь Германіи, долженъ будетъ говорить только объ ея индустріализмѣ, милитаризмѣ, механизмѣ, машинизмѣ. Другихъ цѣнностей въ активѣ современной Германіи нѣтъ. Ея моральная сила—продуктъ ея матеріальнаго могущества и подвержена все тому же закону изнашиванія.

* * *

Будущему историку въ свою очередь придется коснуться основной идеи XIX вѣка—подчиненія науки обиходу. Онъ вынужденъ будетъ констатировать тотъ фактъ, что изумительное развитіе такъ называемыхъ механическихъ искусствъ за послѣднія 50 лѣтъ дали человѣчеству больше, чѣмъ всѣ предше-

ствовавшiе вѣка. Съ каждой новой машиной, являющейся новымъ органомъ—органомъ искусственнымъ, удлиняющимъ и усиливающимъ органы естественные—работа человѣка выигрывало въ силѣ и сопротивляемости. Къ сожалѣнiю, душа не могла расти съ такой же волшебной быстротой, и съ теченiемъ времени стало создаваться впечатлѣнiе, что для такого огромнаго тѣла душа какъ будто бы мала... Эта непропорцiональность породила множество моральныхъ, соцiальныхъ, интернацiональныхъ и всякихъ другихъ проблемъ, и большинство народовъ пыталось разрѣшить ихъ и созидатели новыхъ духовныхъ цѣнностей небывалыми проявленiями братства, свободы и справедливости. Но въ то время, какъ человѣчество прилагало всѣ старанiя къ тому, чтобы справиться съ непосильнымъ трудомъ, темныя силы—я сказалъ бы: инфернальныя силы — создавали препятствiя, одно тяжелѣе другого.

Я не могу избѣжать вопросовъ, которые тревожатъ мое сознанiе. Что будетъ, если механическiя силы, порабощенныя человѣческимъ генiемъ, настолько завладѣютъ человѣкомъ, что привьютъ ему механичность? Что станется съ мiромъ, если механичность поработитъ все человѣчество? Если вмѣсто яркой,

богатой и гармонической разнообразности народы явятъ картину штампованнаго, ремесленнаго однообразія? Если личности уподобятся вещамъ? Что станется съ обществомъ, которое будетъ автоматически выполнять механически переданные приказы? Что будетъ, если совѣсть и разумъ подчинятся регламенту? Если вмѣстѣ съ чувствомъ справедливости мы потеряемъ инстинктъ правды? Во что превратится человѣчество, если сила физическая возьметъ верхъ надъ силой моральной? Какія новыя, на этотъ разъ уже опредѣленныя формы варварства, задушатъ наши чувствованія, наши порывы, стремленія, наши идеи и идеалы,—задушатъ цивилизацію и прогрессъ, зерна которыхъ таились въ древнемъ варварствѣ? Словомъ, что будетъ, если какое-нибудь новое, дьявольское изобрѣтеніе приведетъ къ тому, что, вмѣсто желанной спиритуализаціи матеріи, намъ придется считаться съ фактомъ механизаціи духа? Позволительно думать, что для производства подобныхъ опытовъ Господь Богъ создалъ нѣмцевъ. Пруссію милитаризировали ея короли. Германію милитаризировала Пруссія, такимъ образомъ создалась нація, развивающаяся согласно всѣмъ правиламъ механики. Механизмъ административный, равно какъ и механизмъ военный, только того и ждали, чтобы

народился механизмъ индустріальный. Эти три механизма, подавъ другъ другу руки, создали машину огромной мощности. Сосѣдямъ Германіи оставалось одно: послѣдовать примѣру ея и создать у себя точно такіе же механизмы и превратиться въ покорныхъ рабовъ этихъ механизмовъ.

Для всякаго непредубѣжденнаго ума было ясно, что при создавшихся условіяхъ война неминуема. Было ясно и то, что войну эту объявитъ Германія. Такъ оно и случилось. Но результаты сильно разнятся отъ того, что можно было ожидать. Ибо совершенно неожиданно чисто моральная сила родила огромнаго напряженія физическую силу, и случилось, что крохотный народъ, сильный гордостью и честью своей, оказалъ сопротивленіе могущественнѣйшей державѣ въ мірѣ! При крикѣ попраннаго права морская держава, точно изъ подъ земли, вывела одинъ, два, три милліона солдатъ! Чудо изъ чудесъ: въ странѣ, раздираемой на части волненіями и междуусобицами, всѣ въ мигъ сроднились, какъ братья!

Послѣ того уже ни въ комъ изъ насъ не оставалось сомнѣній въ исходѣ борьбы. Съ одной стороны—сила, опредѣленная, зафиксированная, вся выведенная наружу, съ другой стороны—

сила, все болѣе и болѣе развивающаяся вглубь и вширь. Съ одной стороны—механизмъ, готовая машина, немогущая безъ посторонняго содѣйствія поправлять нанесенныя ей поврежденія, съ другой—сама жизнь и сила творчества, которая мигомъ восполняетъ то, что было утеряно и изношено. Изнашивается идеальнѣйшая машина. Чѣмъ лучше она сконструирована, тѣмъ дольше она дѣйствуетъ и тѣмъ сильнѣе ея сопротивленіе. Но изъ механики намъ извѣстно, что такія машины перестаютъ дѣйствовать внезапно.

Увы, страшная германская машина поглотила множество прекрасныхъ жизней,—всего больше молодыхъ жизней, оплакивать которыя мы никогда не перестанемъ. Безжалостный законъ всегда требовалъ и требуетъ, чтобы духъ сталкивался въ смертельномъ поединкѣ съ матеріей, чтобы жизнь шествовала по трупамъ и чтобы великіе моральные результаты окупались цѣной слезъ и крови. На этотъ разъ жертва принесетъ чудеснѣйшіе плоды. Въ могучей схваткѣ сцѣпились Жизнь и Смерть. Смерть призвала на помощь все, чѣмъ она располагала, но побѣды это не обезпечило ей. Смерть побѣждена! Побѣдила жизнь, побѣдило человѣчество. Черезъ физическія страданія мы спаслись отъ мораль-

наго паденія, которое граничило бы съ нашимъ концомъ. Общее горе соединило, объединило народы, и изъ юдоли печали уже доносится радостный гимнъ освобожденія.

Эрнестъ Леру.

ФРАНЦІЯ и ГЕРМАНІЯ.

Двѣ культуры.

Въ первые дни августа 1914 г. Германія ликовала. Наконецъ-то она дождалась давно желанной войны. Она уже собиралась раздавить своихъ сосѣдей на востокѣ и на западѣ, ненавистныхъ славянъ и французовъ, и обогатиться на ихъ счетъ.

На этотъ разъ ударъ попалъ въ цѣль. Ультиматумъ Австріи Сербіи, составленный съ вѣдома Берлина, вызвалъ ожидавшуюся катастрофу.

Франція всегда противилась всѣмъ провокаціоннымъ вызовамъ, — измѣнѣ Шнебеля, танжерскимъ и агадирскимъ угрозамъ, кампаніи противъ иностраннаго легіона, цабернскому озорству, величавымъ жестамъ кайзера, его „сухому пороху“ и его „отточенному мечу“.

Всему этому она противоставила свое неизмѣнное терпѣніе. Но союзническія обязательства передъ Россіей бросили ея сыновъ на поле брани. Берлинъ возликовалъ.

Однако эта радость скоро смѣнилась гнѣвомъ, когда, послѣ нарушенія нейтралитета Люксембурга и Бельгіи, выступила на сцену Англія. Германская ярость, furor teutonicus, тотчасъ проявилась въ актахъ бандитизма въ Динанѣ и Лувенѣ.

Но все это мелочи. Важно было воевать. Къ войнѣ такъ хорошо подготовилась! Ей были отданы сорокъ лѣтъ методической, неустанной работы! Она составляла единственную мысль всей націи,—какъ лейпцигскихъ соціалистовъ, такъ и брандебургскихъ дворянъ, прусаковъ и льстивыхъ баварцевъ, поджигателей Базейля, Тиссенъ и Левиссманъ, такъ и фонъ-Клуковъ и Гинденбурговъ.

Въ то время, какъ главный штабъ въ Берлинѣ организовывалъ могущественную армію, создавалъ самыя могучія средства разрушенія, учителя, профессора университетовъ полагали свою миссію въ прививаніи германской молодежи ненависти къ сосѣднимъ странамъ, проповѣдовали культъ силы.

Германскій имперіализмъ лелѣетъ безумную

мечту уничтожить Францію, наложить на нее контрибуцію въ 50 милліардовъ, овладѣть ея колоніями, анектировать Нанси и Кале, Голландію, Бельгію, уничтожить англійскую мощь, отторгнуть отъ Россіи Ливонію, Польшу, Финляндію, а когда Европа будетъ валяться у ногъ Кайзера, имперія Гогенцоллерновъ захватитъ обширныя и плодородныя земли на югѣ Бразиліи и создастъ тамъ громадныя германскія колоніи, куда будутъ эмигрировать излишекъ ея населенія. Уже напечатали карту анарктической Германіи.

Для порабощенія міра, для торжества пангерманизма всѣ средства были признаны пригодными: пренебреженіе правомъ и ложь, хитрость и насиліе, жестокость и терроръ, организованный и дисциплинированный.

Положившись на свою тяжелую артиллерію, на свои цеппелины и на миріады своихъ шпіоновъ, Германія увѣровала въ побѣду своихъ ста корпусовъ. Всѣ и вся должны гнуть свою спину подъ кровавымъ ярмомъ этого народа, который Фихте еще въ 1807 г. провозгласилъ избранникомъ Божіимъ. Вильгельмъ II, этотъ новый Магометъ, теперь пророкъ этого народа-избранника.

Но совершивъ самое чудовищное преступле-

ніе изъ всѣхъ извѣстныхъ въ исторіи, Германія не предвидѣла, что подобное покушеніе на право подниметъ бурю всеобщаго негодованія. И она поняла, что она не можетъ не отвѣтить на крики ужаса и возмущенія, раздавшіеся въ Америкѣ и во всѣхъ нейтральныхъ странахъ. Она отвѣтила и снова безстыдно солгала. Изъ насильника, она превратилась въ жертву. Она, молъ, не хотѣла войны, ее вовлекли въ нее насильно, противъ воли. Гнусная комедія! Союзники раскрыли ея суть не громкими фразами, а ясными документами своихъ канцелярій.

Каково отношеніе міра къ позорному манифесту 93 ученыхъ Германіи, этой, по выраженію лорда Пальмерстона, „проклятой страны профессоровъ", выступившихъ въ защиту грабителей, поджигателей и убійцъ?

Эти ученые, артисты, юристы, богословы своей дерзкой апологіей гнусныхъ насилій, безстыдствомъ своихъ отрицаній разоблачаютъ передъ нами духовный обликъ избранницы-Германіи и вождей знаменитой культуры.

Они намъ доказываютъ, что, являясь соучастниками этихъ актовъ, они не сознаютъ постыдности своего положенія. Но, можетъ быть, они исполняютъ только приказанія свыше? Въ та-

комъ случаѣ гордость германцевъ не уступаетъ ихъ раболѣпству!

Ферстеръ, Боде, Гарнакъ, Дерпфельдъ, Эрлихъ, Рентгинъ, Лампрехтъ, Шмоллеръ и всѣ подписавшіе манифестъ, эта „духовная лейбъ-гвардія Гогенцоллерновъ“, суть достойные преемники Вирхова, Трейчке, Момзена, которымъ въ 1870 г. Фюстель-де-Куланжъ и Пастеръ отвѣтили въ столь достойной формѣ.

Вотъ они тѣ, которые называютъ „насъ націей обезьянъ“, отрицающіе нашу французскую культуру, дочь Греціи и Италіи, считающіе ее ядомъ для своей мужественной морали. И мнится, будто это сонъ, когда слышишь ихъ торжественныя заявленія: „будущая судьба европейской цивилизаціи покоится на ихъ плечахъ“.

Подобная спѣсь граничитъ съ безуміемъ. Развѣ не сошелъ съ ума берлинскій профессоръ Адольфъ Лассонъ, этотъ ученикъ Гегеля, заявляющій: „Мы морально и интеллектуально выше всѣхъ, мы не знаемъ себѣ подобныхъ. Это вѣрно и по отношенію къ нашимъ организаціямъ и нашимъ учрежденіямъ“. Голословное утвержденіе, если принять во вниманіе, что германцы стоятъ далеко позади на пути завоеванія политическихъ свободъ въ сравненіи съ либеральной

Англіей, съ демократической Италіей и съ республиканской Франціей.

Гете далъ намъ лучшую оцѣнку обѣихъ культуръ, когда онъ въ своемъ сужденіи о лучезарности французскихъ идей объявилъ,—„что германское тѣсто нуждается во французской закваскѣ“. „Мы, германцы, сказалъ онъ, только недавно духовно родились, и можетъ еще пройти много столѣтій, пока мы перестанемъ быть варварами“.

„Мы только недавно родились“. Какая правильная оцѣнка! Да, германская культура родилась недавно. Наша старше ея на многія столѣтія.

Мы можемъ повторить слова египетскаго жреца Солону: „О, греки! Вы еще дѣти!“

Въ средніе вѣка сыны Германіи приходили въ знаменитый Парижскій Университетъ за свѣтомъ знанія, въ этотъ единственный центръ культуры, въ этотъ свѣточъ среди мрака средневѣковья. Въ тринадцатомъ столѣтіи наши великіе зодчіе изъ Иль-де-Франса были ея учителями.

Кельнскій соборъ—родное дитя французской традиціи. Хоръ, освященный въ 1322 г., есть лишь повтореніе амьенскаго хора. Позже, послѣ набѣговъ на Италію, во времена Гвельфовъ и

Гибеллиновъ, Германія была вовлечена въ великое движеніе Ренессанса. Въ семнадцатомъ столѣтіи ея нарождавшаяся литература погибла въ ужасахъ Тридцатилѣтней Войны. Въ восемьнадцатомъ столѣтіи ее разбудилъ импульсъ изъ Франціи. И только въ девятнадцатомъ столѣтіи Германія стала мечтать о самостоятельной культурѣ.

Фихте въ „своей рѣчи о германскомъ народѣ“ побуждаетъ Германію пересоздать міръ и прежде всего порвать съ иностранной литературой и создать чисто-германскую мысль. Кантъ опубликовалъ въ 1781 г. свою Критику чистаго разума, а Клопшотокъ, поэтъ Мессіады и Одъ, только что установилъ языкъ, столь измѣнившійся со временъ Лютера, и открылъ дорогу для національной литературы. Онъ вызвалъ образъ старой Германіи и окружилъ ореоломъ фигуру Германа (Арминія), побѣдителя легіоновъ Вара. Съ тѣхъ поръ молодой герой служитъ эмблемой протеста противъ чужеземнаго, борьбы германцевъ противъ латинцевъ.

Это было пробужденіемъ германскаго сознанія, первымъ шагомъ къ національзму.

Для успѣха націоналистическаго движенія,

учителя прусскихъ университетовъ читали проповѣди о великой роли германскаго народа.

Ихъ слово было услышено. Они вербовали себѣ приверженцевъ даже во Франціи. Объ этомъ свидѣтельствуетъ книга г-жи де-Сталь, которую Наполеонъ запретилъ во Франціи, какъ антифранцузскую.

Теперь за нами очередь противодѣйствовать. Будемъ менѣе скромны, менѣе терпимы, мы латинцы и англо-саксонцы. Недостаточно одного презрѣнія. Нужно защищать нашъ геній, который эти своеобразные ученые хотятъ во что бы то ни стало умалять и принижать.

Сентъ-Бевъ въ одной изъ своихъ лекцій въ Collège de France совѣталъ своимъ слушателямъ: „не будемъ хвастать, что наша литература занимаетъ первое мѣсто въ ряду другихъ литературъ. Будемъ довольствоваться утвержденіемъ, что она одна изъ самыхъ благородныхъ и самыхъ богатыхъ“.

Мы согласны съ знаменитымъ критикомъ. Цивилизація не есть продуктъ одного народа, а всѣхъ народовъ, ибо каждая нація вноситъ въ нее присущія ей качества и этимъ способствуетъ развитію человѣческаго духа.

Германцы, претендуя на духовное владычество надъ міромъ, никого не обманутъ. Они

оставляютъ въ тѣни наши литературныя знаменитости и хвастаются своими поэтами: Клопштокомъ, Виландомъ, Гердеромъ, Лессингомъ и величайшими Гете и Шиллеромъ. Мы поэтому напомнимъ имъ то, что сдѣлали эти латинцы и англо-саксонцы, столь приниженные ими.

Кажется смѣшнымъ вспоминать передъ этими добровольными слѣпцами великихъ геніевъ, творчество которыхъ составляетъ столь важную часть интеллектуальнаго и моральнаго богатства человѣчества: Данте, Шекспиръ, Рабле, Мольеръ, Сервантесъ. Забавно—приходится имъ напоминать Корнеля и Расина, Лафонтена и Босюэта, Бомарше, Вольтера, Тасса и Петрарку, Боккачіо и Аріоста, Мильтона, Бэкона, Томаса Мура, Байрона, Кальдерона, Лопе-де-Вега, Камоэнса и т. п., которыми міръ давно восхищается и въ жилахъ которыхъ не было ни капли германской крови. Германія должна признать, что эти великіе художники имѣли могучее вліяніе на литературу. Она должна смотрѣть на нихъ, какъ на своихъ учителей.

* * *

Создать нѣмецкую литературу, которая почерпала бы свои вдохновенія только въ своей національной средѣ и затмила бы всѣхъ своихъ

соперницъ, — это была воистину благородная идея. Къ несчастію, сказать легче, чѣмъ сдѣлать. Сперва Лессингъ, затѣмъ Шлегель и другіе думали, что приносятъ пользу, жестоко нападая на нашихъ безсмертныхъ классиковъ XVIII вѣка.

Но тѣ не стали хуже отъ этого, а Франція отвѣтила своимъ безсильнымъ критикамъ только новыми шедеврами. Она кинула имъ въ лицо нашихъ великихъ романтиковъ: Гюго, Бальзака, Ламартина, Дюма, Мюссе, К. Делавини, Жоржъ-Зандъ, Т. Готье и др., а послѣ нихъ—два другихъ поколѣнія писателей, которые совмѣстно съ англичанами, русскими, скандинавами и итальянцами, стали „мэтрами“ современной поэзіи, романа и театра. Пусть нѣмцы займутъ среди нихъ свое мѣсто. Имъ остается пріобрѣсти то, чего желалъ имъ Цольмеръ: „побольше остроумія и поменьше согласныхъ“.

* * *

Господа профессора въ золотыхъ очкахъ мечтаютъ связать интеллектуальное будущее Европы съ будущимъ нѣмецкой науки. Тутъ мы видимъ то проявленіе патологической гордыни, свойственной расѣ, о которомъ говорилъ въ „Школѣ Антропологіи“ докторъ Капитонъ.

Академія Наукъ съ достоинствомъ приняла вызовъ и воздала должное ихъ надменности и ихъ надеждамъ, напомнивъ этимъ господамъ, „что латинская и англо-саксонская цивилизаціи дали за три столѣтія наибольшее число великихъ открытій въ области математики, физики и естественныхъ наукъ, равнымъ образомъ и творцовъ главныхъ открытій XIX вѣка“.

Если Германія забываетъ это, то человѣчество знаетъ, какой признательностью обязано оно великимъ химикамъ и физикамъ, каковы Галилей, Паскаль, Торичелли, Вольта, Гюйгенсъ, Патинъ, Франклинъ, Лавуазье, Реомюръ, Фарадей, Амперъ, Бертолле, Гэ-Люссакъ, Морзъ Шеврель, Бертело, Кюри,—анатомамъ, физіологамъ, натуралистамъ, ботаникамъ, каковы: Везале, Биша, Гарвей, Линней, Бюффонъ, Ламаркъ, Кювье, Дусеннеръ, Жюлье, Турнефоръ, Жоффруа-Сентъ-Илеръ, Лайелль, Клодъ Бернаръ, Дарвинъ, Пастеръ;—по отношенію къ математикамъ и астрономамъ, каковы: датчанинъ Тихо-Браге, полякъ Коперникъ, Ньютонъ, Галилей, Лапласъ, Монзесъ, Лагранжъ, Араго, Леверре, Бертранъ. Человѣчество всецѣло преклоняется передъ знаменитыми изобрѣтателями,—передъ Жуффруа д'Аббансомъ, Уаттомъ, Стефенсономъ, Жакаромъ, Монгольфье, Маркомъ Сэгеномъ, Нипсомъ

(Nierce) и т. д.; передъ тѣми, кто намъ далъ пароходы, желѣзныя дороги, телефонъ, фонографъ, кинематографъ, безпроволочный телеграфъ, подводныя лодки, воздухоплаваніе, автомобили и др.: передъ Эдисономъ, Бранли, Маркони, братьями Райтами, Сантосъ-Дюмономъ, Блеріо и столькими другими, не принадлежащими къ этой германской расѣ, такъ легко забывающей историческіе факты.

Германская наука имѣла и имѣетъ въ наши дни людей большого значенія. Никто и не думаетъ оспаривать это. Но она создала мало людей, которыхъ можно было бы признать творцами.

Научныя изслѣдованія производятся у нихъ по совершенно спеціальному методу. Ихъ университеты напоминаютъ фабрики, гдѣ іерархія такъ же строго соблюдается, какъ въ казармѣ. Студенты приносятъ своимъ профессорамъ результаты своихъ личныхъ изслѣдованій, и эти послѣдніе развиваютъ творческія идеи, сообщенныя имъ извнѣ.

Правильно сказано, что нѣмцы не изобрѣтаютъ, но примѣняютъ изобрѣтенія. Когда сдѣлано какое-нибудь открытіе, нѣмцы хватаются за него и извлекаютъ изъ него пользу. Имъ совершенно незнакомо безкорыстіе нашихъ великихъ ученыхъ—

Шевреля, Бертело, Пастера, Кюри, д'Арсонваля. Они заботятся только объ использованіи для промышленныхъ цѣлей того, что открыли другіе. Индустріализація науки! Въ этомъ они наши учителя.

Не будемъ говорить о военномъ искусствѣ! Малѣйшее сомнѣніе въ нѣмецкомъ превосходствѣ заставило бы фыркать отъ смѣха всю прусскую гвардію. Однако мы позволимъ себѣ отмѣтить въ нашемъ активѣ одно имя: Наполеонъ. Это онъ уничтожилъ могущество Пруссіи однимъ сраженіемъ при Іенѣ. Не вспомнятъ ли объ этомъ въ Берлинѣ? Нынѣшняя война является критеріемъ ихъ научнаго метода. Все было изучено, подготовлено, расчитано, предвидѣно съ невѣроятной точностью.

И все-таки ихъ генералы не смогли побѣдить нашихъ армій. Вынужденные зарыться въ свои траншеи, они обратятся въ бѣгство въ близкомъ будущемъ.

Великій князь Николай Николаевичъ, Жоффръ, Китченеръ, Френчъ и король Альбертъ заставляютъ трепетать кронпринца и его августѣйшаго отца!

* * *

Въ области искусства нѣмцы справедливо гордятся своими музыкантами. Бетховенъ, Моцартъ,

Бахъ, Гендель, Вагнеръ имѣютъ міровую славу. Мы воздаемъ имъ должное поклоненіе. Но едва ли является признакомъ хорошаго вкуса, что въ настоящее время нѣмцы съ такимъ презрѣніемъ относятся къ итальянской и французской музыкѣ.

Развѣ большинство ихъ композиторовъ, начиная съ Моцарта, не были пропитаны итальянизмомъ? Развѣ не былъ зараженъ имъ Ріенци Вагнера? Развѣ Гайднъ не былъ ученикомъ неаполитанца Порпоры?

И далѣе, Палестрина, Перголезе, Люлли, Спонтини, Керубини, Россини, Верди—все это имена, такъ пріятно звучащія въ памяти всѣхъ.

Мы, французы, обращаемъ слишкомъ мало вниманія на композиторовъ XV и XVI вв.: Жоскэна-де-Пре, Женнекэна, творца столь любопытной „Битвы при Мариньяно", Гудималя, учителя Палестрины, Клодо Младшаго, бельгійца Роланда-де-Лассюса (Lassus), въ свое время прозваннаго Княземъ Музыкантовъ. Мы недостаточно преклоняемся передъ такими мастерами, какъ Мегюль (Méhul) и Гретри, Галеви и Фелисьенъ Давидъ, Берліозъ и Гуно, Масснэ и Сенъ-Сансъ, Рейеръ и Цезарь Франкъ, Лало и д'Энди, Дебюсси и Шарпантье. Наша старая комическая опера, которой слишкомъ пренебре-

гаютъ въ настоящее время, пользовалась тѣмъ не менѣе болѣе ста лѣтъ—отъ Бойльдье и Рамо до Бизэ и Делиба—величайшимъ успѣхомъ на всѣхъ сценахъ міра, не исключая и германскихъ.

И да позволятъ намъ присоединить ко всѣмъ этимъ именамъ имя Руже-де-Лиля, чьей гимнъ побѣды воспламенялъ нашихъ волонтеровъ 92 года, какъ пѣсни Тиртея воспламеняли стартіатовъ. Его „Марсельеза“ обошла весь міръ.

„Wacht am Rhein“ не проникнетъ такъ далеко.

Воздадимъ также должную честь нашимъ друзьямъ-русскимъ. Ихъ національная школа за послѣдніе сто лѣтъ завоевала славное имя. Цезарь Кюи, Чайковскій, Римскій-Корсаковъ, Бородинъ, Глазуновъ и на ряду съ ними скандинавы Нильсъ Гаде, Грисъ, Іенсенъ и др., являются мэтрами, которымъ болѣе не приходится расточать похвалъ.

Французы великодушны. Они доказываютъ это, такъ охотно допуская въ свою Національную Академію Музыки *) творенія Рихарда

*) Académie Nationale de Musique — оффиціальное названіе парижскаго театра Opéra.

Прим. Ред.

Вагнера, несмотря на его циничное признаніе въ ненависти къ Франціи—оно напечатано въ его „мемуарахъ“,—и несмотря на его грубый пасквиль „Капитуляція, опубликованный въ 1870 году. Парижъ уже выказалъ подобное презрѣніе нагло́стямъ божественнаго Моцарта, рукоплеща великому композитору Донъ-Жуана, Свадьбы Фигаро, Волшебной флейты и пренебрегая его оскорбительными замѣчаніями.

Будемъ рукоплескать Тристану и Парсифалю. Но предоставимъ только нѣкоторымъ экзальтированнымъ лицамъ вѣрить, что музыкальное искусство въ театрѣ начинается съ Вагнера, который и является единственнымъ божествомъ его. Презрѣніе, высказанное Вагнеромъ по отношеиію къ Латинянамъ, не является у него пустой бутадой.

Мэтръ, вдохновленный теоріями Фихте, Клопштока и Лессинга о созданіи германской мысли и литературы, мечталъ примѣнить ихъ къ искусству. И поэтому то онъ объявилъ въ Байрейтѣ, послѣ перваго представленія Кольца Нибелунговъ, что наконецъ то Германія имѣетъ, благодаря ему, искусство, германское искусство.

Не забылъ ли онъ Орѳея, Алцесту, Армиду и Ифигенію Глюка, Волшебнаго

стрѣлка, Оберона Вебера, Фиделіо Бетховена? Или, можетъ быть, какъ насмѣшливо писалъ Пауль Линдау, все это является „только пошлятиной и творчествомъ неумѣлыхъ школьниковъ“?

И если его музыкальная драма должна была явиться полнымъ выраженіемъ германскаго искусства, то почему Вагнеръ заимствовалъ изъ нашихъ старыхъ французскихъ поэмъ своихъ героевъ—Лоэнгрина, Парсифаля, Тристана и Изольду?

Что сказать о художникахъ современной Германіи? Одного посѣщенія Берлина, Будапешта или „Осенняго Салона“ достаточно, чтобы увидѣть, до какого искаженія вкуса можетъ пасть національное искусство. Если вамъ не нравится путешествовать, то удовлетворитесь чтеніемъ нѣсколькихъ занятныхъ страницъ Coletto Baudoche, гдѣ Морисъ Барресъ показываетъ, чѣмъ стало германское искустсво, расцвѣтшее въ царствованіе Вильгельма II.

И въ этомъ случаѣ милитаризмъ проявилъ свое пагубное воздѣйствіе. Литературныя и артистическія празднества въ Веймарѣ, Касселѣ и Дрезденѣ смѣнились парадами въ Темпельгофѣ и грохотомъ военной музыки.

Когда Берлинъ, эта современная столица, въ которой казармы замѣнили храмы, желаетъ украсить свои площади статуей великаго человѣка, то чаще всего водружаютъ на пьедесталѣ какого-нибудь воина, опирающагося на свою саблю, какого-нибудь Гогенцоллерна въ каскѣ, Бисмарка, затянутаго въ кирасирскій мундиръ или преображеннаго въ Роланда, какъ это сдѣлано въ колоссальномъ и смѣшномъ памятникѣ въ Гамбургѣ. Въ Мюнхенѣ, выдающемъ себя за Сѣверныя Аѳины, воспроизвели флорентійскія Loggia dei Lanzi. Но что придумали они помѣстить тамъ, чтобы замѣнить Персея Бенвенуто Челлини и Юдиѳь Донателло? Конечно, генераловъ! Вреде, побѣжденнаго при Ганау, и Тилли, разграбившаго Магдебургъ.

Настаивать дальше было бы жестоко.

Но война 1914 года пришла во время, чтобы освободить французскій вкусъ отъ германскаго вліянія, которое начало заражать его.

Даже германская кухня,—о Ватель! о Брійя Саварэнъ! — стала натурализоваться. Парижъ, покидая Тортони, Вефура, Англійское кафэ, сталъ набивать себѣ брюхо кислой капустой и сосисками въ тавернахъ съ мюнхенской отдѣлкой.

„Ни одна нація“—говорятъ авторы Манифе-

ста,—„не можетъ похвалиться, что превосходитъ Германію въ ея любви къ искусству". Лувенъ, Малинъ, Ипръ, Аррасъ и Реймсъ свидѣтельствуютъ объ этой любви. И посреди этихъ неслыханныхъ развалинъ германцы являются такими, каковы они въ дѣйствительности: варварами.

И чего ждать въ самомъ дѣлѣ въ области искусства отъ этихъ грубыхъ солдатъ, которымъ мы уже обязаны разрушеніемъ Пареенона, этого драгоцѣннѣйшаго памятника античной древности (преступленія Кенигсмарка слишкомъ долго приписывались Морозини), грабежомъ Рима въ 1527 г., произведеннымъ имперскими бандами и ландскнехтами, а при Вильгельмѣ II—бомбардировкой Реймскаго собора, одного изъ сокровищъ міра.

* * *

Существуетъ болѣе спеціальная наука, къ тому же менѣе извѣстная широкой публикѣ, а именно Востоковѣдѣніе, въ которомъ профессора съ того берега Рейна желаютъ быть нашими безусловными учителями. Смѣлая претензія! Яйца, желающія учить курицу! И здѣсь французамъ принадлежитъ инициатива изученія. Весьма грустно, что иногда даже у насъ забываютъ объ этомъ.

Вѣдь Францiя, начиная съ XVI столѣтія, весьма широко содѣйствовала прогрессу востоковѣдѣнія цѣлымъ рядомъ учрежденій капитальной важности.

При Францискѣ I была освована Королевская типографія, а въ 1530 г.—Collége de France съ публичнымъ курсомъ древне-еврейскаго языка, гдѣ впервые шло свободное преподаваніе. Нѣсколько лѣтъ спустя была учреждена первая каѳедра съ Гильомомъ Постелемъ въ качествѣ профессора. Въ 1663 г. была основана Кольберомъ Академія надписей и изящной литературы, гдѣ, какъ извѣстно, Востоковѣдѣніе занимаетъ значительное мѣсто. Въ 1795 г. основана Школа Живыхъ Восточныхъ Языковъ съ курсами арабскаго, персидскаго и турецкаго языковъ, къ которымъ нѣсколько позже добавили армянскій и ново-греческій языкъ, а въ наши дни тамъ читается до двадцати курсовъ. По этому образцу былъ основанъ въ 1815 г. въ Москвѣ Лазаревскій Институтъ. Въ 1822 г. основано Азіатское Общество въ Парижѣ. Англія со своей стороны основала Азіатскія Общества въ Лондонѣ, Калькуттѣ, Бомбеѣ, Цейлонѣ, Шанхаѣ и т. д. Quot rami tot arbores!

Въ наши дни, наконецъ, учреждена В. Дюрюи Школа Высшихъ Наукъ, затѣмъ школа при

Луврѣ, при Музеѣ Гиме, колоніальная школа, французская школа Дальняго Востока, Алжирскій Университетъ, Археологическая французская миссія въ Каирѣ, Научная Миссія въ Марокко, международные конгрессы оріенталистовъ и пр. Такъ велико число очаговъ востоковѣдѣнія, значительность которыхъ достаточно доказываютъ многочисленныя изданія.

Наше Министерство Народнаго Просвѣщенія и Изящныхъ Искусствъ, стоявшее во главѣ всего этого движенія, имѣетъ еще заслуги передъ наукой своей инициативой и своей щедростью, всегда готовыми поддержать научныя экспедиціи во всемъ мірѣ, а также и трудами своихъ комиссій въ Сѣверной Африкѣ и въ Индо-Китаѣ, своими школами въ Аѳинахъ и въ Римѣ, своими новыми институтами въ Мадридѣ, Флоренціи и Петроградѣ.

Италія имѣетъ право на благодарность ученаго міра созданіемъ Амброзіанской Библіотеки (въ Миланѣ), Восточной Типографіи Медичи, Коллегіи пропаганды. Россія отмѣтила себя основаніемъ въ 1804 г. Казанскаго Университета съ его арабской, персидской и турецкой типографій.

Надо ли напоминать, чѣмъ мы обязаны Англіи въ области востоковѣдѣнія. Британскій Музей,

Оксфордскій и Кембриджскій университеты, Egypt Exploration Fund, ея большія Индійскія учрежденія,—все это является только нѣкоторыми изъ созданій, достойныхъ такого великаго народа.

Германія, выступившая позднѣе, должна только преклониться, какъ она должна преклониться передъ нашими великими основателями востоковѣдѣнія, которые были учителями ея.

Египетъ оставался почти неизвѣстнымъ до XVIII столѣтія. Его открыли міру экспедиція Бонапарта и огромная работа нашей Египетской Комиссіи. Французъ Шампо́лліонъ первый расшифровалъ іероглифы Египта, разъяснилъ его Пантеонъ и своимъ геніальнымъ Очеркомъ системы іероглифовъ явился творцомъ египтологіи. Германскій іезуитъ П. Кирхеръ высказывалъ до него претензію на чтеніе текстовъ, высѣченныхъ на обелискахъ, имѣвшихся въ Римѣ, и онъ выпустилъ печатные труды, дорого обошедшіеся слишкомъ довѣрчивому папѣ. Его упражненія служатъ только примѣромъ того, до чего можетъ доходить германская смѣлость. И однако Кирхеръ былъ ученымъ, какъ доказываютъ это его труды по коптскому языку,

въ области, въ которой впослѣдствіи такъ прославился итальянецъ Пейронъ.

За Шамполліономъ явились и другіе французы, которые въ свою очередь были глубокими авторитетами, — Маріетъ, де Руже, Шаба, Масперо. А въ наши дни опять-таки одинъ изъ нашихъ соотечественниковъ пріобрѣлъ въ землѣ фараоновъ свой титулъ „Великаго француза“. Это былъ Фердинандъ Лессепсъ.

Другой великій французъ, Анкетиль Дюперронъ, въ 1762 г. отправился въ Персію на поиски за священной книгой Зорастра „Зендъ Авестой“; онъ первый и перевелъ ее. Онъ первый познакомилъ Европу съ религіей маговъ и положилъ основаніе изученію зендскаго языка.

Франція дала міру Сильвестра де Саси, знаменитаго арабиста, создавшаго цѣлую школу, гдѣ черпали свои знанія нѣмецкіе ученые. Нашъ соотечественникъ Э. Бюрнуфъ въ области изученія Индіи далъ труды по санскриту и будійской литературѣ, вызвавшіе восторгъ туземныхъ ученыхъ Калькутты; его лекціи въ Collége de France привлекали ученыхъ всей Европы. Бюрнуфъ положилъ начало изученію санскрита, пріобрѣтшему нынѣ такое значеніе во всѣхъ университетахъ. Этотъ же ученый своимъ Essai

sur le Pâli проложилъ путь къ изученію Пали, священнаго языка южнаго буддизма; его преемниками являются въ этой области французскіе, русскіе и англійскіе ученые—Сенаръ, Бартъ, Сильвэнъ Леви, И. П. Минаевъ, Чильдерсъ, Рисъ-Дэвидсъ, Фаусбелль и др. Нѣмцы занимаютъ послѣднее мѣсто *).

Ассирія не имѣла своего Шамполльона: лишь медленно, съ большимъ трудомъ расшифровали ея клинообразныя надписи. С. де Саси и Бюр-

*) При всемъ желаніи сохранить полную объективность, здѣсь—по соображеніямъ личнаго характера—мы не можемъ оставить безъ возраженій доводы почтеннаго автора. Какъ глава крупной издательской фирмы, специализировавшейся на изданіяхъ по востоковѣдѣнію, г. Э. Леру долженъ былъ бы правильнѣе цѣнить роль нѣмцевъ въ дѣлѣ изученія Индіи. Начало положено англичанами и нѣмцами (Боппъ, А. В. Шлегель). Блестящими результатами наука обязана работѣ нѣсколькихъ поколѣній нѣмецкихъ ученыхъ—нельзя замолчать славныя имена Лассена (норвежца по рожденію, писаваго по-нѣмецки) Вебера, Ауфрехта, Рота, Штенцлера, а изъ болѣе молодыхъ—Бюлера, Пишеля, Якоби. Германской наукѣ принадлежитъ и нашъ академикъ О. Н. Бетлингкъ, составитель «Петербургскаго Словаря», начавшаго новую эру въ наукѣ.

Въ частности названный въ текстѣ Essai sur le Pâli написанъ Бюрнуфомъ въ сотрудничествѣ съ Лассеномъ.

Прим. Ред.

нуфъ были въ числѣ піонеровъ въ этой области вмѣстѣ съ датчанами Нибуромъ, Вестергоромъ (Westergaard), Мюнстеромъ, русскимъ Тиксеномъ и гановерцемъ Гротефендомъ. И здѣсь появился ученый подобный Кирхеру — нѣмецъ Лихтенштейнъ, который, не обладая основательнымъ познаніемъ предмета, издалъ фантастическіе переводы. Это былъ просто мистификаторъ.

Наука обязана открытіями, давшими въ этой области матеріалъ, на которомъ строились теперешніе выводы, почти исключительно иниціативѣ французовъ. Таковы раскопки Ботта и Фландэна (1842), предшествовавшія работамъ англичанъ Лаярда и Раулинсона, месопотамская экспедиція Френеля и др. (1863) и цѣлый рядъ другихъ вплоть до раскопокъ маіора Кро (Cros) въ Телло (1903—1909).

Китай былъ открытъ въ XIII в. путешественниками Плано Карпини, Рубруквисомъ, Марко Поло и др. Въ XVI в. труды французскихъ, испанскихъ, итальянскихъ миссіонеровъ ознакомили Европу съ его языкомъ, литературой и исторіей. Достаточно назвать имена Мендозы, Семедо, де-Майя (de Mailla) и др., 16-томные Mémoires de la Chine и пр. Немало потрудились наши синологи Де-Гинь, Ремюза, стан. Жюльенъ, англичане Моррисонъ, Леггъ, русскіе гер. Іакинъ

Бичуринъ, В. П. Васильевъ, арх. Палладій. Французы же—Аміо, Абель Ремюза и др, и русскій Ковалевскій первые стали изучать монгольскій и манджурскій языки.

Необходимо отмѣтить благотворное вліяніе французскаго правительства и академіи (Institut de France) на развитіе изученія Дальняго Востока. Имъ мы обязаны блестящими, богатыми результатами экспедиціями въ Китай и Среднюю Азію Шаванна, Дютрей-де-Рэна (Dutreuil de Rhins), Пелльо и др., а въ Индо-Китаѣ—созданіемъ Школы Дальняго Востока (Ecole de l'Extrême Orient, въ Ганоѣ), оказавшей наукѣ громадныя услуги.

Японія долго оставалась бы неизвѣстной западу, не будь тамъ португальскихъ миссіонеровъ, прибывшихъ впервые въ 1549 г. со св. Франциском Ксавье во главѣ. Ихъ „Письма", издаваемые съ XVI в., дали первыя свѣдѣнія объ этомъ интересномъ народѣ. Въ 1832 г. Сибольдъ на основаніи матерьяловъ, вывезенныхъ голландцами, которые съ 1639 г. одни (кромѣ китайцевъ) имѣли привилегію торговли съ Японіей, опубликовалъ въ Лейденѣ свой „Eippon". Это—монументальный трудъ, откуда черпали свои свѣдѣнія—иногда безъ указанія источника—многіе японисты съ того берега Рейна. Немало

сдѣлали и американцы—отмѣтимъ знаменитую экспедицію коммодора Перри 1852 г.

Японское искусство стало извѣстно только въ наши дни; его заслуженный успѣхъ, мода на него—дѣло рукъ французскихъ художниковъ и коллекціонеровъ (Гонкутъ, Ривьеръ), наконецъ—основателей музеевъ—Чернуски, Гиме, д'Эннери.

Наши профессора Collége de France и Школы Восточныхъ Языковъ (Катрмеръ, Ходзько, Барбье-де-Мэнаръ и др.) были первыми въ области изученія персидскаго и турецкаго языковъ. Сами нѣмцы считаютъ одного изъ нашихъ востоковѣдовъ, графа Гобино, столь великимъ умомъ, что основали даже Gobinean-Yerein; это общество занимается переизданіемъ и распространеніемъ его трудовъ, а также переводомъ ихъ на нѣмецкій языкъ. Вѣдь Гобино высказалъ странное ученіе о высшемъ человѣкѣ, голубоглазомъ долихоцефалѣ—избранномъ существѣ,—а въ немъ нѣмцы усмотрѣли самихъ себя. Они и не подозрѣваютъ того, что долихоцефалы встрѣчаются преимущественно среди дикихъ первобытныхъ народовъ. Гобино содрогнулся бы отъ ужаса при мысли, что современные вандалы видятъ въ немъ своего патрона.

Изученіе Византіи и Латинскаго Востока началось трудами французскихъ и русскихъ ученыхъ;

первыми были наши Дю-Канжъ, Монфоконъ и издатели собранія византійскихъ историковъ, т. наз. „Byzantine du Louvre“, впослѣдствіи перепечатаннаго нѣмцами въ Боннѣ. Затѣмъ идутъ Рамбо, Шлумбергеръ, Диль, русскіе Н. П. Кондаковъ, Ѳ. И. Успенскій и мюнхенскій профессоръ Крумбахеръ, великій ученый, воздававшій должное французской наукѣ.

Французамъ обязаны мы открытіемъ двухъ драгоцѣннѣйшихъ памятниковъ, обогатившихъ нашъ Луврскій Музей. Клермонъ-Ганно привезъ изъ страны Моавитянъ и истолковалъ стелу царя Меши, древнѣйшій образчикъ алфавитнаго письма. Лотарингецъ о. Шель расшифровалъ законы вавилонскаго царя Хаммураби, этотъ шедевръ человѣческой мысли, несравненный памятникъ цивилизаціи, процвѣтавшей сорокъ вѣковъ тому назадъ. Вильгельмъ II иногда цитировалъ Хаммураби въ своихъ проповѣдяхъ. Еслибъ онъ проводилъ въ жизнь его мораль!

Тотъ же Клермонъ-Ганно доказалъ въ 1876 г.— къ великому ужасу прусскаго ландтага, провѣрявшаго исполненіе государственной росписи,—поддѣльность коллекціи моавскихъ керамикъ, пріобрѣтенной въ Іерусалимѣ берлинскимъ музеемъ за 20.000 талеровъ,—на основаніи благопріятнаго отзыва Германскаго Восточнаго Обще-

ства (Deutsche Morgenländische Gesellschaft). Вотъ былъ ударъ! Посмѣялись почти столько же, какъ и надъ неудачей Вильгельма II, который со своимъ гогенцоллернскомъ апломбомъ заставилъ Боде приписать Леонарду да-Винчи жалкій восковой бюстъ изъ собранія берлинскаго музея, „банальное и вульгарное произведеніе Рихарда Кокле-Лукаса“.

У нѣмцевъ были великіе лингвисты: съ уваженіемъ вспоминаютъ имена Гумбольдта, бр. Гриммовъ, Клапрота, Боппа, Макса Мюллера. Даже оставивъ въ сторонѣ ученыхъ болѣе древней эпохи, мы можемъ съ не меньшей гордостью назвать имена Ренуара, Эрн. Ренана, Гастона Пари, Брзаля, Мейе и др.

А сколько нѣмецкихъ ученыхъ издаютъ толстые томы объ „оптативѣ въ курдскомъ языкѣ“, о „Притяжательномъ мѣстоименіи въ угро-финской группѣ“ и о другихъ подобныхъ животрепещущихъ вопросахъ. Неуклюжій слогъ украшается всевозможными транскрипціонными значками, акцентами, что придаетъ книгѣ устрашающій, но зато чрезвычайно ученый видъ. Конечно, это почтенные труды, приводящіе въ восторгъ какого-нибудь привать-доцента,—но нельзя же ихъ считать геніальными! Если бы французская наука черезъ-чуръ послушно слѣдовала за нѣм-

цами, она могла бы легко утратить свои характерныя черты.

Однимъ словомъ, во всѣхъ отрасляхъ востоковѣдѣнія нѣмцы—наши неоплатные должники, чего они не хотятъ признавать. Ихъ нынѣшніе учителя,—какъ ни велики ихъ заслуги,—лишь ученики нашихъ свѣтилъ.

Но развѣ могутъ насъ чѣмъ либо удивить нѣмецкіе ученые, если ихъ географы теперь поддѣлываютъ древнія карты для того, чтобы доказать, что границей Галліи былъ не Рейнъ, а Вогезы.

Дальше этого некуда идти.

Для археологіи и эпиграфики Франція сдѣлала столько же, сколько и для востоковѣдѣнія. Наше министерство Народнаго Просвѣщенія и Академія Надписей и Изящной Словесности доказали свою неизмѣнную заботливость безпримѣрно щедрыми субсидіями на раскопки и ученыя экспедиціи (напр., Финикійская Экспедиція Э. Ренана, Кавказская де-Моргана, раскопки въ Дельфахъ, на о. Делосѣ и др.). Эти учрежденія способствовали изданію цѣлаго ряда трудовъ въ родѣ Monuments antiques Рейс, Monuments Piot, Corqus des inscriptions sémitiques и пр. А. Германское Восточное Общество (Deutsche

Orientgesellschaft) существуетъ чуть ли не со вчерашняго дня.

Что касается работъ отдѣльныхъ ученыхъ, то Б. де Монфоконъ, издавшій въ 1719 г. свою Antiquiré expliquée, является отцемъ археологіи. Мы не забываемъ Винкельмана, который не многимъ позже явился однимъ изъ создателей эстетики и исторіи искусства; съ тѣхъ поръ до нашихъ дней по ту и по сю сторону Рейна появилось множество прекрасныхъ трудовъ по археологіи, которые нечего и думать перечислить здѣсь, хотя бы вкратцѣ.

Тоже можно сказать относительно эпиграфики. Въ этой отрасли науки нѣмцы притязаютъ на первенство. Но и мы можемъ выставить всю нашу Академію Надписей съ самаго основанія ея до нашихъ дней, нашу Ecole des Chartes, наши Институты (Ecoles) въ Аѳинахъ и Римѣ... Ихъ слишкомъ много!

Здѣсь необходимо напомнить роль Италіи. Родина Возрожденія не могла не заинтересоваться древними памятниками и латинскими надписями, изобилующими на ея почвѣ. Починъ былъ сдѣланъ еще въ XIV в. знаменитымъ трибуномъ Колой ди-Ріенци, авторомъ Descriptio urbis Romae; въ приложеніи было дано первое собраніе извѣстныхъ въ то время (1347) латинскихъ

надписей. Онъ же открылъ Lex Regia,—законъ, которымъ сенатъ передалъ императорскую власть Веспасіану. Соотечественники Ріенци дали цѣлый рядъ знаменитыхъ эпиграфистовъ, какъ Поджіо Браччолини, Альдо Мануччи, Боргези (XVIII в.). Въ XIX в. Де Росси провелъ всю жизнь въ подземномъ Римѣ, чтобъ дать міру надписи катакомбъ. Въ наши дни Бони завершаетъ расчистку стараго Campo Vaccino („Коровье Поле“), открываетъ Римскій Форумъ.

Вотъ истинные учителя, первые изслѣдователи!

Къ чести Германіи служатъ ея раскопки въ Олимпіи; она, подобно Франціи, дала множество ученыхъ эпиграфистовъ. Но главная заслуга ея—въ объединеніи всѣхъ находокъ, въ составленіи удивительно точныхъ каталоговъ и въ изданіи собраній всѣхъ извѣстныхъ греческихъ и латинскихъ надписей. Бекъ и Моммзенъ, во главѣ цѣлой арміи копіистовъ и составителей карточекъ, выполнили планъ задуманный гораздо раньше ихъ, въ XVII—XVIII вв. Скалигеромъ, Маффеи, Муратори и др.

Наши печатники XVI в., Анри и Робертъ Этьенны (Estienne)—съ меньшимъ числомъ сотрудниковъ, но съ не меньшей ученостью издали удивительные Thesaurus graecae linguae и Thesaurus linguae latinae.

Антропологія, этнографія, доисторическая археологія обязаны своимъ блескомъ французамъ—Брока, Бертану, Катрфажу, С. Рейнаку, англичанамъ—Ляйеллю, Эвансу, Леббоку—русскимъ — Смирнову, Уварову, Деникеру и др. Нѣмцы,—въ томъ числѣ Вирховъ и Бастіанъ, пришли позднѣе. Напомнимъ здѣсь двухъ французскихъ ученыхъ: Дешелетта, недавно павшаго въ бою, и барона де-Бая (de Baye), драгоцѣнныя коллекціи котораго разграблены солдафонами, носителями Kultur.

Что касается геологіи, то г. Гаугъ доказалъ въ своемъ докладѣ въ Сорбоннѣ, что и здѣсь починъ былъ сдѣланъ французами, англичанами и американцами.

Гдѣ же наконецъ, заслуги нѣмцевъ? Слѣдуетъ ли ихъ искать во времена крестовыхъ походовъ?

Въ 1095 г. по зову Петра Пустынника и папы Урбана II все французское дворянство взялось за оружіе. Надо было отвоевать Святыя Мѣста отъ невѣрныхъ. Богъ этого хочетъ! И все и всѣ уступаютъ дорогу нашимъ доблестнымъ рыцарямъ. Подъ ихъ ударами падаютъ Никея, Эдесса, Антіохія, Іерусалимъ. Въ 1099 г. Годфридъ Бульонскій провозглашенъ правителемъ Іерусалима. Это французскій крестовый походъ.

Пятьдесятъ лѣтъ спустя Св. Бернардъ про-

повѣдуетъ второй крестовый походъ. На этотъ разъ въ немъ участвуютъ нѣмцы. Ихъ непримиримая гордость приводитъ къ разногласіямъ. Армія терпитъ пораженіе. Людовикъ VII и императоръ Конрадъ возвращаются въ Европу побѣжденными. По этимъ же причинамъ и третій крестовый походъ заканчивается пораженіемъ. Германскій императоръ Фридрихъ Барбаросса тонетъ въ Киликіи, а его армія погибаетъ. Англійскій король Ричардъ Львиное сердце, одинъ изъ героевъ этого похода, при возвращеніи въ Европу, по приказанію герцога австрійскаго, подвергается аресту. Онъ проводитъ долгіе годы въ заточеніи въ крѣпости на Дунаѣ. Нѣмцы вновь выступаютъ на сцену въ шестомъ Крестовомъ Походѣ, въ 1228 г. На этотъ разъ императоръ Фридрихъ II вмѣсто того, чтобы сражаться, предпочитаетъ торговаться о цѣнѣ, по которой можно купить Іерусалимъ. Папа за это гнусное поведеніе подвергъ его анаѳемѣ, престижъ Европы окончательно палъ, и съ того момента крестовые походы были обречены на гибель.

А роль германцевъ въ эпоху великихъ путешествій?

Въ теченіе долгихъ вѣковъ всѣ народы Европы участвовали въ открытіи новыхъ міровъ, въ

исканіи новыхъ океанскихъ рейсовъ для торговыхъ судовъ, въ колонизаціи обширныхъ территорій въ различныхъ континентахъ. И только одна Германія составляла исключеніе. Ея роль въ этомъ великомъ движеніи, направлявшемъ по всему міру волны цивилизаціи, сводится къ нулю.

У нея нѣтъ ни одного великаго имени, которое она бы могла противоставить итальянцамъ, Христофору Колумбу, Марко Поло, Іоанну и Себастіану Кабо, Пигафеттѣ; португальцамъ Васко-де-Гамѣ, Альбукерку, Магеллану, Коругъ-Реалю, Кабралю, Пинто; испанцамъ, великимъ конквистадорамъ въ Сѣв. и Южн. Америкахъ, Кортецу, Пизарро, Пинсону; французамъ, Бетанкуру, Кавелье-де-Ласалю, Ж. Картье, Вильганьону, Флануру, Тевено, Берлье, Шаплену, Дюплэ, нашимъ старымъ пилотамъ изъ С.-Мало, нормандцамъ и нашимъ великимъ современнымъ колонизаторамъ, смѣлымъ голландскимъ путешественникамъ по Остъ и Вестъ-индіи; русскимъ піонерамъ въ сѣверной Азіи; скандинавцамъ, знавшимъ Исландію, Гренландію и сѣверъ Америки еще въ десятомъ вѣкѣ; завоевателямъ полюсовъ; англичанамъ, Дрэку, Дэвису, Ванкуверу, Ливингстону и сотнямъ героевъ, водрузившимъ англійскій флагъ надъ половиной міра.

Германія держалась въ сторонѣ. Ганзейскій флотъ, основанный въ 1241 г., преслѣдовалъ единственную цѣль защищать отъ пиратовъ любекскую и гамбургскую торговлю. На какомъ основаніи Бернгардъ, Дернбургъ, основатель германскаго колоніальнаго имперіализма, и вмѣстѣ съ ними Баллинъ, Циммерманъ и всѣ пангерманисты претендуютъ на колоніи, которыя пріобрѣли другіе цѣной своей крови?

* * *

Въ философіи германскій геній достигъ полнаго расцвѣта. Эта философія возможно порой нѣсколько туманна. Ей не хватаетъ той ясности, которой наши философы обязаны нашему прекрасному языку, столь точному и столь ясному. Но тѣмъ не менѣе Германія можетъ по справедливости гордиться Лейбницемъ, Кантомъ, Гете и т. д.

Но къ чему привели прекрасныя гуманитарныя доктрины и идеализмъ этихъ великихъ умовъ? Къ восхваленію самыхъ гнусныхъ покушеній противъ гуманности, науки и искусства. „Къ варварству, возведенному въ догму, освященному печатью докторовъ, цвѣтомъ интеллигенціи, словомъ, къ педантичному варварству“,

какъ выразился г. Камбонъ на банкетѣ у лордъ-мэра.

Нынѣ германская мысль спустилась до низшей степени упадка. Она объявила себя солидарной, вѣрноподанной прусскаго милитаризма, того милитаризма, который, по мнѣнію химика Оствальда, представляетъ собой одно изъ выраженій организаторской силы Германіи. И міръ содрогается отъ ужаса и возмущенія, слыша слова германскихъ мыслителей, которые „во имя высшихъ интересовъ избранной націи", обожествляютъ грубую силу, рукоплещутъ актамъ вандализма, равнодушно присутствуютъ при зрѣлищѣ рѣзни и потоковъ крови, проливаемыхъ во имя торжества пангерманизма.

Вѣдь одинъ германскій университетъ имѣлъ безстыдство провозгласить докторомъ Honorus causa Круппа, изобрѣтателя 42-хъ сантиметровой гаубицы. Докторъ пушечнаго права*) какъ иронически выразился „Journal des Debats".

Нечего сказать, прекрасная культура, превращающая человѣка въ гнусный образецъ отвратительной жестокости, по выраженію Клемансо.

И другія страны имѣли великихъ философовъ:

*) Docteur en droi canon.

Эразмъ, Спиноза, Локкъ, Берклей, Юмъ, ни въ чемъ не уступающихъ творцамъ германской философіи. Ихъ доктрины—гордость человѣчества. Они проповѣдуютъ свободу воли, терпимость, политическую и религіозную свободу.

Въ другихъ мѣстахъ раздавались призывы къ милосердію, самопожертвованію, къ любви къ униженнымъ. Св. Францискъ провозглашаетъ предъ грубой Европой XIII вѣка долгъ и сладость взаимной любви. Италія вся горитъ отъ экстаза, и безчисленныя толпы идутъ за Ассискимъ Бѣднякомъ, превознося вмѣстѣ съ нимъ бѣдность, милосердіе, смиреніе. Въ Америкѣ посреди ужасовъ завоеванія голосъ Ласказа подымается въ защиту жертвъ отъ ихъ палачей. У насъ Св. Винцентъ-де-Поль распространяетъ повсюду проповѣдь милосердія, Фенелонъ въ Телемакѣ противоставитъ интимныя обязанности короля деспотизму Людовика XIV, аббатъ-де-Ленэ учитъ говорить глухонѣмыхъ, а Валентинъ Гаюи (Haüy) слѣпыхъ читать. Въ наши дни Гарибальди, герой Италіи, ведетъ повсюду свои красныя рубашки на борьбу въ защиту слабыхъ. Онъ проливаетъ свою кровь ради освобожденія своей порабощенной родины. Въ 1870 г. онъ сражается въ рядахъ побѣжденной Франціи. На-дняхъ двое

его внуковъ погибли смертью героевъ среди нашихъ сыновей, защищая латинскую цивилизацію. Безкорыстіе, самопожертвованіе, любовь! Эти волшебныя слова лишены всякаго смысла для нѣмцевъ. Гете, ощущаетъ лишь презрѣніе къ Св. Франциску.

Всѣ наши философы, начиная съ Раблэ и кончая энциклопедистами, работали надъ освобожденіемъ человѣческой мысли. Они подготовляли новый міръ, царство равенства и свободы среди людей, братство народовъ. „Декларація правъ человѣка" была ихъ Евангеліемъ, Французская Революція была дѣломъ ихъ рукъ. Они и теперь продолжаютъ быть нашими вождями въ славной борьбѣ нашихъ дней, которую мы ведемъ для того, чтобы снять съ угнетенныхъ народовъ оковы поработителей.

Какой контрастъ всему этому представляетъ собою больная спѣсь, коллективное безуміе, повидимому поразившее мозгъ нашихъ сосѣдей по ту сторону Рейна, возомнившихъ, что весь міръ не слишкомъ большая жертва для ихъ грезъ о владычествѣ!

Славная Германія Альбрехта Дюрера, Гольбейна, Луки Кранаха, Петра Вишера, Кеплера и Гершеля, Канта, Лейбница, Бетховена и Баха. Германія истинной культуры умерла въ моментъ

своего опрусаченія. Ее убилъ милитаризмъ. Увы, она этимъ гордится!

Теоріи Фихте и Гегеля о верховенствѣ германской расы ужъ больше не удовлетворяютъ Германію XX вѣка. Ея великій герой дня— Ницше, тотъ самый, idée-fixe котораго по мнѣнію профессора Кроли, „былъ религіозный культъ силы и насилія, смѣшанный съ презрѣніемъ къ любви и гуманности“. Ницше провозгласилъ пришествіе сверхчеловѣка, совершенно свободнаго отъ угрызеній совѣсти. Германцы приблизились къ этому типу „сверхчеловѣка“. Они мнятъ себя сверхнародомъ, предъ которымъ всѣ должны падать ницъ и повиноваться. Слабые должны отдать себя на ихъ волю, превратиться въ послушныхъ рабовъ Германіи. Эта пагубная теорія имѣла свое вліяніе на нынѣшнюю войну, прозванная англійскимъ писателемъ ницшеанской войной.

* * *

Духъ хищничества царитъ и все себѣ подчиняетъ. Между прочимъ въ крови германца всегда была любовь къ грабежу. Еще Юлій Цезарь въ „Галльской войнѣ“ писалъ: „германцы не считаютъ грабежа преступнымъ дѣломъ“. Извѣстно съ какой непринужденностью Фрид-

рихъ II, ихъ Великій Фридрихъ, хваставшій французской философіей и культурой, проявлялъ этотъ хищническій духъ, освящая его правдой и справедливостью. Онъ былъ достойнымъ предшественникомъ другого великаго человѣка Бисмарка, поддѣлавшаго эмскую телеграмму, бросившаго міру наглый вызовъ, приматъ силы надъ Правомъ.

Этотъ народъ, который считаютъ народомъ мыслителей, въ дѣйствительности всегда былъ одержанъ жаждой завоеваній и владычества, всегда мечталъ о насиліи и грабежѣ. По словамъ Леона Бэльби (Lion Boilby), онъ имѣетъ животъ, но у него нѣтъ души.

Ложь—высокая степень культуры, которой, онъ будто бы достигъ! Ибо прогрессъ науки ему служитъ только для того, чтобы дать возможно широкій просторъ всѣмъ силамъ зла. Ложь—его философія, ибо она порабощаетъ духъ матеріи, ибо она смотритъ на людей, какъ на скотъ, отданный на милость побѣдителей. Поляки, датчане, эльзасъ-лотарингцы, бельгійцы, румыны Трансильваніи, итальянцы Тріеста, скажите, какого мнѣнія вы объ ихъ философахъ и ученыхъ!

Я вспоминаю мое удивленіе, когда во время моего пребыванія въ Брауншвейгѣ въ 1867 г.

я услышалъ припѣвъ ихъ излюбленныхъ пѣснь: „Mein Vaterland muss grösser sein“, „Berlin wird Weltstadt“ и другихъ, въ которыхъ уже выступали наружу ихъ инстикты и ихъ ненависть. Кто тогда у насъ думалъ о войнѣ? Праздничные дни Всемірной выставки заставили насъ забыть Садову. Мы еще грезили о братствѣ народовъ. Мы любили поэтическую Германію. Лорелей, Миньонъ, Вертеръ, романсы Шуберта и Шумана. Какъ все это далеко!

Съ 1870 г. программа расширилась. Пангерманисты объявляютъ своимъ девизомъ: Deutschland über alles! Всемірная Имперія!

Завоеваніе міра, какъ цѣль, война, какъ средство. Ковать орудіе войны—таковъ идеалъ германской культуры. Это старое явленіе. Развѣ не этотъ народъ, столь бѣдный изобрѣтеніями, выдумалъ порохъ еще въ въ XIV вѣкѣ?

„Война!“ Самъ Лютеръ провозгласилъ ее „божественной сущностью, вещью, столь же необходимой и полезной, какъ ѣда и питье“. По словамъ Мирабо она превратилась въ національную промышленность Пруссіи. „Ея военныя побѣды должны подготовлять ея промышленныя побѣды“. Это слова пр. Фридриха-Карла послѣ Седана. Безъ войны, сказалъ даже Мольтке, народы бы прозябали. Бернгардъ утверждаетъ,

что она—первостепенная біологическая необходимость. Крайняя жестокость, пишетъ фонъ-деръ-Гольцъ, необходима для будущаго блага германизованныхъ народовъ.

Ихъ поэты, какъ и историки, ихъ правительство и ихъ философы идутъ по слѣдамъ ихъ военныхъ авторитетовъ. Ихъ единственный культъ—культъ силы, не той силы, которую создаетъ работа, твердость, стойкость и которая есть вспомогательное средство права, но сила, притѣсняющая слабыхъ, грубая сила, словомъ германская сила.

Долой справедливость! Канцлеръ Бетманъ-Гольвегъ объявляетъ, что трактаты—лоскутки бумаги, лишенные цѣнности, и что всѣ средства одинаково хороши, лишь бы была достигнута цѣль.

Трейчке проповѣдуетъ, „что нація, политика которой цѣликомъ не основана на угрозѣ силой, обречена на вырожденіе".

Максимиліанъ Гарденъ, котораго во Франціи считаютъ человѣкомъ выдающагося ума, пишетъ:

„На какой сторонѣ право?—Тамъ, гдѣ—сила. Справедлива всякая война, увеличивающая мощь Германіи. Раздавимъ врага, исторія не будетъ требовать отъ насъ отчета".

Гергардъ Гауптманъ, Зудерманъ, Зигфридъ Вагнеръ, Вейнгартнеръ, Максъ Рейнгардтъ, которымъ мы съ такимъ добродушіемъ апплодировали въ Парижѣ, присоединяются къ этимъ позорнымъ словамъ.

Внушать ужасъ — такова доктрина ихъ великихъ военачальниковъ. Въ 1813 г. Фридрихъ-Вильгельмъ говоритъ: „Борьба, къ которой призвана нація, оправдываетъ всѣ средства. Самыя ужасныя—самыя лучшія".

Не говорите имъ о законахъ войны, о гаагскихъ конвенціяхъ, о правилахъ Краснаго Креста! Имъ до этого дѣла нѣтъ! Въ символѣ креста они признаютъ только желѣзный крестъ.

Генералъ Штенгеръ предписываетъ своимъ войскамъ „не брать плѣнныхъ, добивать раненыхъ, вооруженныхъ или безоружныхъ. Германцы, говоритъ онъ, не должны оставить позади себя ни одного живого француза.

Приказъ этого жалкаго негодяя, будемъ помнить, есть только откликъ приказа самого Вильгельма II во время китайской кампаніи: „Солдаты! Когда вы встрѣтите врага, побѣдите его. Не давайте ему пощады, не берите плѣнныхъ. Все, что попадется вамъ въ руки, уничтожайте. Составьте себѣ репутацію гунновъ и Атиллы".

Кто такъ говоритъ?—Тотъ, кто называется императоромъ мира, кто держалъ въ своихъ рукахъ судьбу Европы, кто могъ играть столь большую роль, отдавъ Франціи утраченныя провинціи, создавъ прочную дружбу между двумя народами, которыхъ Бисмаркъ превратилъ въ непримиримыхъ враговъ.

Профессоръ по исторіи искусства, пользовавшійся, какъ и всѣ остальные его соотечественники, гостепріимствомъ Франціи, совѣтуетъ германскимъ войскамъ „послѣ взятія Парижа безжалостно истребить населеніе, но щадить сокровища искусства, которыя должны обогатить музеи Германіи“. Другой предлагаетъ перевезти въ Берлинъ запрестольный образъ „Поклоненія агнцу“, шедевры братьевъ Ванъ-Эйховъ, гордость церкви св. Бавона въ Гентѣ: боковыя двери его уже фигурируютъ въ музеѣ Фридриха-Вильгельма—этого не слѣдуетъ забывать!

Какой-то солдафонъ сталъ поэтомъ и сочинилъ слѣдующій стихъ: „О, Германія, теперь ненавидь. Не берите, броненосцы, въ плѣнъ. Вонзайте, солдаты, штыки въ сердца враговъ. Сѣйте смерть. Превращайте въ развалины страны, стягивающія насъ стальнымъ кольцомъ“.

Другой, генералъ фонъ-Дитфуртъ, смѣется

надъ прозвищемъ „варваръ“: „Самый скромный курганъ надъ могилой одного изъ нашихъ воиновъ,—говоритъ онъ,—болѣе достопочтененъ, нежели всѣ соборы и всѣ сокровища искусства. И если погибнутъ всѣ памятники, всѣ шедевры архитектуры, которые окажутся между нашими и непріятельскими пушками, мы къ этому отнесемся съ полнымъ равнодушіемъ“.

Этотъ дикарь оправдываетъ предсказаніе Генриха Гейне, писавшаго три четверти вѣка тому назадъ: „христіанство немного смягчило грубый воинственный пылъ германцевъ. Но настанетъ день, и крестъ будетъ безсиленъ. Старые каменные боги подымутся изъ развалинъ, и Торъ взмахнетъ своимъ гигантскимъ молотомъ и превратитъ въ прахъ готическіе соборы“.

Таковъ духовный обликъ нѣмцевъ. Такова германская культура!

* *
*

Наши глаза видѣли то, чего міръ не видѣлъ со временъ нашествія варваровъ. Шпіонство, убійство, поджоги, грабежи, погромы, насилія и разгромъ Бельгіи, преднамѣренное разрушеніе Реймскаго собора, развалины Лувенскаго университета, бомбы надъ Нотръ-Дамъ — таковы чудовищные акты, которые обезчестили Гер-

манію и поставили внѣ человѣчества этихъ рыжихъ звѣрей, намѣревавшихся навязать намъ свое владычество.

Они расчитывали встрѣтить во Франціи ослабленную, испорченную націю, разрозненную, неспособную на подвиги храбрыхъ, поглощенную танго и политикой. „При одномъ нашемъ приближеніи красные штаны обратятся въ бѣгство", говорилъ генералъ фонъ-Дойлингъ. И какъ они были поражены, когда встрѣтили народъ, одержимый единой мыслью, единымъ желаніемъ жертвовать собою и умирать смертью храбрыхъ.

Ихъ бомбы безсильны справиться съ нашими крѣпостями, ихъ несмѣтныя полчища бѣгутъ отъ ударовъ нашихъ сыновъ, которыхъ патріотизмъ превратилъ въ истинныхъ героевъ. Civis murus erat! согласно выраженію поэта Сантеля о гражданахъ С. Кентэна, самопожертвованіе которыхъ спасло Францію въ 1557 г.—Побѣдители отступаютъ, они уже чувствуютъ себя побѣжденными.

Милитаризмъ и спѣсь, эти боги современной Германіи, тревожатъ весь міръ. Нейтральныя страны знаютъ, что поднесетъ имъ побѣда германцевъ, австрійцевъ и турокъ. Для Румыніи это означаетъ отказъ отъ объединенія съ ея братьями въ Трансильваніи и Буковинѣ, для Италіи—непоправимая потеря Тріеста, который

станетъ главнымъ германскимъ портомъ на Адріатическомъ морѣ; въ Триполитаніи—маневры Энвера-паши будутъ угрожать владычеству Италіи. Болгарія, Сербія и Греція послѣ четырехъ вѣковъ невыносимаго гнета будутъ видѣть, какъ ихъ надежды будутъ сокрушены, а балканскую войну придется вновь начать въ самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. Португаліи придется воевать за сохраненіе ея африканскихъ колоній. Голландія, подъ гегемоніей Германіи, потеряетъ Родаеромъ, который, какъ и Антверпенъ, станетъ германскимъ портомъ. Скандинавскія государства пытаются, составляя союзъ, предотвратить опасность и спасать то, что осталось отъ доблестной маленькой Даніи, которую Европа такъ жестоко оставила безъ защиты въ 1864 г. и которая ждетъ возвращенія Шлезвига. Многія знаютъ, какую месть готовитъ кайзеръ за разрушеніе Циндао.

Напрасно Германія при помощи своихъ дипломатовъ, журналистовъ, милліоновъ своихъ натурализовавшихся гражданъ старалась создать для себя въ Америкѣ благопріятное общественное мнѣніе. Соединенные Штаты знаютъ цѣну попыткамъ игнорировать доктрину Монроэ. Интриги германцевъ въ Гаваитэ, Венецуэлѣ, Мексикѣ, Бразиліи, и Аргентинѣ открыли глаза

и у людей наименѣе дальнозоркихъ. Союзники взялись за оружіе во имя блага міра. Войну, которую не они вызвали, они доведутъ до конца и безъ послабленія и безъ пощады.

Германія, столь гордая своими успѣхами, столь увѣренная въ своей силѣ, почувствуетъ горечь разочарованія, и она будетъ метаться отъ ярости въ моментъ, когда ея грезы о владычествѣ и о побѣдѣ померкнутъ предъ кровавымъ призракомъ позора и пораженія.

Уже близокъ моментъ расплаты, и часы Немезиды пробьютъ: „Тотъ, кто зажегъ міровой пожаръ, пожнетъ плоды его“, по выраженію президента Вильсона.

Уничтоживъ дикій и жестокій культъ грубой силы, упразднивъ германскій имперіализмъ, наши арміи, ведущія геройскую борьбу во имя торжества справедливости, правды и чести, окажутъ цивилизаціи неоцѣнимую услугу. Они спасутъ наслѣдіе идеала и красоты, завѣщанную человѣчеству Аѳинами и Римомъ. Святая, освободительная война будетъ послѣдней войной. Она создастъ союзъ народовъ и подготовитъ договоръ Соединныхъ Штатовъ Европы.

И это будетъ дѣломъ французской культуры.

Манифестъ 93 ученыхъ.

ПРИЗЫВЪ КЪ ЦИВИЛИЗОВАННОМУ МІРУ.

Мы, нижеподписавшіеся, представители германской науки и искусства, торжественно протестуемъ предъ лицомъ цивилизованнаго міра противъ лжи и клеветы, которыми наши враги пытаются замарать справедливую и честную позицію, занимаемую нами въ ужасной войнѣ, намъ навязанной и угрожающей самому нашему существованію. Событія сложились такъ, что они опровергаютъ эту лживую пропаганду нашихъ враговъ, распространяющихъ слухи о германскихъ пораженіяхъ. Но это только усиливаетъ ихъ рвеніе и они съ большей энергіей фальсифицируютъ правду и шельмуютъ насъ. Наши голоса громко протестуютъ противъ этихъ злоумышленій, и эти голоса—голоса правды.

Невѣрно, что Германія вызвала эту войну. Ни германскій народъ, ни германское прави-

тельство, ни германскій императоръ ея не хотѣли. Германія боролась за сохраніе мира до послѣдняго момента, до послѣдней возможности. Весь міръ можетъ объ этомъ судить по достовѣрнымъ документамъ. Въ теченіе своего двадцатишестилѣтняго царствованія Вильгельмъ II много разъ спасалъ миръ. Этотъ фактъ не разъ признавали наши враги. Они забываютъ, что этотъ императоръ, котораго они нагло сравниваютъ съ Аттилой, былъ въ теченіе долгихъ годовъ объектомъ ихъ насмѣшекъ, благодаря его неизмѣнной любви къ миру. И только тогда, когда нашъ народъ почувствовалъ угрозу, за которой послѣдовало нападеніе на него изъ засады трехъ великихъ державъ, онъ поднялся, какъ одинъ человѣкъ.

Невѣрно, что мы преступно нарушили нейтралитетъ Бельгіи. Мы располагаемъ неопровержимыми данными, что Франція и Англія, увѣренныя въ потворствѣ Бельгіи, рѣшили сами нарушить этотъ нейтралитетъ. Наша родина совершила бы актъ самоубійства, если бы она не предупредила событій.

Невѣрно, что наши солдаты покушались на жизнь или на достояніе хотя бы одного бельгійскаго гражданина, не будучи на то вынуждены суровой необходимостью законной са-

мозащиты. Ибо, вопреки нашимъ предостереженіямъ, населеніе не переставало предательски стрѣлять въ наши войска, уродовать нашихъ раненыхъ и убивать врачей, исполнявшихъ свое дѣло милосердія. Было бы величайшей подлостью обойти молчаніемъ жестокости этихъ убійцъ и вмѣнять германцамъ въ преступленіе справедливое наказаніе, которому они были вынуждены подвергнуть этихъ бандитовъ.

Невѣрно, что наши войска варварски разрушили Лувэнъ. Настигнутые предательски въ своихъ квартирахъ разъярившимся населеніемъ, они противъ воли должны были прибѣгнуть къ репрессіямъ и разгромить часть города. Большая часть Лувена уцѣлѣла. Знаменитый Отель-девилль совершенно не пострадалъ: съ опасностью для жизни наши солдаты защищали его отъ пламени. — Если въ эту ужасную войну были или будутъ разрушены произведенія искусства, Германія объ этомъ искренне скорбитъ. Отнюдь не ставя себя ниже другихъ народовъ въ отношеніи любви къ искусству, мы рѣшительно отказываемся оберегать произведенія исскуства цѣною пораженія нашихъ армій.

Невѣрно, что мы ведемъ войну, пренебрегая правами человѣка. Наши солдаты не чинятъ ни актовъ противъ дисциплины, ни жестокостей.

Напротивъ, на востокѣ нашего отечества земля пропитана кровью женщинъ и дѣтей, умерщвленныхъ русскими ордами, а на западныхъ поляхъ битвы пули думъ-думъ нашихъ противниковъ разрываютъ груди нашихъ храбрыхъ солдатъ. Тѣ, кто въ союзѣ съ Россіей и Сербіей, кто не боится возбудить противъ бѣлой расы монголовъ и негровъ и предложить цивилизованному міру самое позорное зрѣлище, которое можно только себѣ представить, навѣрное суть самые послѣдніе изъ имѣющихъ право претендовать на роль защитниковъ европейской культуры.

Невѣрно, что война противъ того, что называютъ нашимъ милитаризмомъ, не направлена противъ нашей культуры, какъ это говорятъ наши лицемѣрные враги. Безъ нашего милитаризма, наша цивилизація была бы давно уничтожена. Для ея защиты и появился милитаризмъ въ нашей странѣ, которая, болѣе нежели всякая другая страна, подвержена нападеніямъ, возобновляющимся съ каждымъ столѣтіемъ. Германская армія и германскій народъ составляютъ одно цѣлое. Въ этомъ чувствѣ объединенности братаются теперь 70 милліоновъ германцевъ безъ различія культуры, классовъ и партій.

Ложь — отравленное оружіе, которое мы не можемъ вырвать изъ рукъ нашихъ враговъ. Мы

только можемъ громко заявить передъ всѣмъ міромъ, что наши враги даютъ ложныя показанія противъ насъ. Къ вамъ, насъ знающимъ и, которые, подобно намъ, стоятъ на стражѣ самыхъ драгоцѣнныхъ благъ человѣчества, мы обращаемся съ громкимъ призывомъ:

Вѣрьте! Вѣрьте, что въ этой войнѣ мы до конца будемъ сражаться, какъ цивилизованный народъ, какъ народъ, для котораго наслѣдіе Гёте, Бетховена, Канта столь же свято, какъ его земля и его очаги. Мы вамъ это гарантируемъ нашими именами и нашей честью.

Адольфъ фонъ-Байеръ, профессоръ-химикъ, Мюнхенъ.

Петеръ Беренсъ, профессоръ, Берлинъ.

Эмиль фонъ Берингъ, профессоръ-медикъ, Берлинъ.

Вильгельмъ фонъ-Боде, директоръ королевскихъ музеевъ Берлина.

Алоисъ Брандель, президентъ шекспировскаго общества въ Берлинѣ.

Луіо Брентано, проф. по національной экономіи, Мюнхенъ.

Іустусъ Бринкманъ, директоръ Гамбургскаго музея.

І.-Э. Конрадъ, проф. національной экономіи въ Галле.

Францъ фонъ Дефреггеръ, Мюнхенъ.
Рихардъ Демель, Гамбургъ.
Адольфъ Дейссманнъ, проф. теологіи, Берлинъ.
Фридрихъ Вильгельмъ Дерпфельдъ, Берлинъ.
Фридрихъ фонъ Дюнъ, проф., археологъ, Гейдельбергъ.
Павелъ Эрлихъ, проф., медикъ, Франкфуртъ.
Альбертъ Бернардъ, проф. по католической теологіи, Штрасбургъ.
Карлъ Энглеръ, проф. химіи въ Карлсруа.
Гергартъ Эссеръ, проф. по католической теологіи, Боннъ.
Рудольфъ Эйккенъ, проф.-философъ, Іена.
Гербертъ Эйленбергъ, Кайзерсвертъ.
Генрихъ Финке, историкъ, Фрибургъ.
Эмиль Фишеръ, химикъ, Берлинъ.
В. Ферстеръ, Берлинъ.
Людвигъ Фульда, Берлинъ.
Эдуардъ фонъ Гебгардтъ, Дуссельдорфъ.
І. І.-де-Гротъ, проф. этнограф. Берлинъ.
Фритцъ Габеръ, химикъ, Берлинъ.
Эрнстъ Геккель, зоологъ, Іена.
Максъ Галбе, Мюнхенъ.
Густавъ-Адольфъ фонъ Гарнакъ, директоръ королевской библіотеки, Берлинъ.
Гергартъ Гауптманъ, Агнетендорфъ.

Карлъ Гауптманъ, Шрайбергау.
Густавъ Гельманнъ, метереологъ, Берлинъ.
Вильгельмъ Германнъ, теологъ, Марбургъ.
Анд. Гейслеръ, филологъ, Берлинъ.
Ад. фонъ Гильдебрандъ, Мюнхенъ.
Людвигъ Гоффманнъ, архитек., Берлинъ.
Энгельбертъ Гумпердинкъ, Берлинъ.
Леопольдъ графъ Калккрейтъ, президентъ германской лиги артистовъ, Эдделзенъ.
Артуръ Кампфъ, Берлинъ.
Фритцъ-Августъ фонъ-Каульбахъ, Мюнхенъ.
Теодоръ Киппъ, проф. юриспруденц., Берлинъ.
Феликсъ Клейнъ, математикъ, Геттингенъ.
Максъ Клингеръ, Лейпцигъ.
Алоисъ Кнепфлеръ, проф. по церковной исторіи, Мюнхенъ.
Антонъ Кохъ, теологъ, Тюбингенъ.
Павлъ Лабландъ, проф. юриспруденц., Штрасбургъ.
Карлъ Лампрехтъ, историкъ, Лейпцигъ.
Филиппъ Ленардъ, проф. юр. Штрасбургъ.
Максимиліанъ Ленцъ, историкъ, Гамбургъ.
Максъ Либерманъ, Берлинъ.
Францъ фонъ Листъ, проф. юр., Берлинъ.

Людвигъ Манзель, президентъ Академіи Искусствъ, Берлинъ.

Іосефъ Маузбахъ, проф. теологъ, Мюнстеръ.

Георгъ фонъ Майеръ, проф. полит. наукъ, Мюнхенъ.

Себастіанъ Меркле, теологъ, Вюрцбургъ.

Эдуардъ Майеръ, проф. историкъ, Берлинъ.

Генрихъ Море, филологъ, Берлинъ.

Фридрихъ Науманнъ, Берлинъ.

Альбертъ Нейссеръ, медикъ, Бреслау.

Вальтеръ Нернстъ, физикъ, Берлинъ.

Вильгельмъ Оствальдъ, химикъ, Лейпцигъ.

Бруно Павлъ, директоръ школы техническаго искусства, Берлинъ.

Максъ Планкъ, физикъ, Берлинъ.

Альбертъ Плоннъ, медикъ, Берлинъ.

Георгъ Рейкке, Берлинъ.

Максъ Рейнгардтъ, директоръ германскаго театра, Берлинъ.

Алоисъ Риль, философъ, Берлинъ.

Карлъ Робертъ, археологъ, Берлинъ.

Вильгельмъ Рентгенъ, физикъ, Берлинъ.

Максъ Рубнеръ, физикъ.

Фритцъ Шаперъ, Берлинъ.

Адольфъ фонъ Шлиттеръ, теологъ, Тюбингенъ.

Августъ Шмидлинъ, проф. церковн. исторіи, Мюнстеръ.

Густавъ фонъ Шмоллеръ, проф. національной экономіи, Берлинъ.

Рейнгольдъ Зесбергъ, теологъ, Берлинъ.

Мартинъ Шпанъ, историкъ, Штрасбургъ.

Францъ фонъ Штукъ, Мюнхенъ.

Германнъ Зудерманнъ, Берлинъ.

Гансъ Тома, Карлсруа.

Вильгельмъ Трубнеръ, Карлсруа.

Карлъ Фоллмеллеръ, Штутгартъ.

Рихардъ Фоосъ, Берхтесгарденъ.

Карлъ Фосслеръ, филологъ, Мюнхенъ.

Зигфридъ Вагнеръ, Бамерутъ.

Вильгельмъ Вальдейеръ, анатомъ, Берлинъ.

Августъ фонъ Вассерманнъ, медикъ, Берлинъ.

Феликсъ фонъ Вайнгартнеръ.

Теодоръ Вигандъ, директоръ Берлин. музея.

Вильгельмъ Винъ, физикъ, Вюрцбургъ.

Ульрихъ фонъ Виламовичъ - Меллендорфъ, филологъ, Берлинъ.

Рихардъ Виллштетеръ, химикъ, Берлинъ.

Вильгельмъ Виндельбандъ, философъ, Берлинъ.

Вильгельмъ Вундтъ, философъ, Лейпцигъ.

Манифестъ Германскихъ Университетовъ.

Всѣхъ васъ, кто знаетъ, что наша армія совершенно не является арміей наемниковъ, что она вмѣщаетъ въ себя всю націю отъ перваго до послѣдняго человѣка, что ею руководятъ лучшіе сыны нашей страны, что въ этотъ часъ тысячи учителей и учениковъ гибнутъ на поляхъ сраженій во Франціи и въ Россіи, въ качествѣ офицеровъ и солдатъ, — всѣхъ васъ, кто читалъ и слышалъ, въ какомъ духѣ и съ какимъ успѣхомъ получаетъ образованіе и воспитывается наша молодежь, — кто знаетъ, какъ старательно мы внушаемъ ей уваженіе и преклоненіе передъ сокровищами человѣческаго духа, какой-бы странѣ ни принадлежали они,— всѣхъ васъ мы просимъ быть нашими свидѣтелями и сказать, правда ли то, что сообщаютъ

наши враги, и правильно ли, что германская армія—это орда варваровъ и шайка поджигателей, находящихъ удовольствіе въ истребленіи невинныхъ людей и уничтоженіи селеній, въ разрушеніи памятниковъ искусства и исторіи. Если вы пожелаете отнестись съ уваженіемъ къ истинѣ, вы убѣдитесь, что только безжалостные законы военной обороны могли вынудить германскія войска совершать акты разрушенія.

Всѣхъ васъ, читающихъ лживыя сообщенія нашихъ враговъ и кто еще не совсѣмъ ослѣпленъ страстью, мы убѣдительно просимъ, мы Васъ умоляемъ во имя истины и справедливости: не вѣрьте этимъ злостнымъ нападкамъ на германскій народъ, не стройте своихъ сужденій на основаніи показаній нашихъ враговъ, надѣющихся побѣдить посредствомъ лжи.

Если въ этой ужасной войнѣ, въ которой нашъ народъ борется не только за свое могущество, но за самое свое существованіе и за свою цивилизацію, разрушенія примутъ большіе размѣры, нежели въ предшествовшую войну, если сокровища искусства станутъ добычей фатальныхъ актовъ разрушенія, то слѣдуетъ помнить, что отвѣтственность за это несчастіе всецѣло падаетъ на тѣхъ, кто, не довольствуясь ролью зачинщи-

ковъ этой позорной войны, не колеблясь, вооружаетъ мирное населеніе, подстрекаетъ его совершать нападеніе исподтишка на наши довѣрчивыя войска, нарушая такимъ образомъ всѣ законы войны и обычаи цивилизованныхъ народовъ.

Они единственные и единые виновники. Если благамъ цивилизаціи наносится неисправимый вредъ, проклятіе исторіи упадетъ на ихъ голову.

Этотъ манифестъ подписанъ ректорами Тюбингскаго, Берлинскаго, Боннскаго, Бреславскаго, Эрлангенскаго, Франкфуртскаго, Фрейбургскаго, Гиссенскаго, Геттингскаго Грейфсвальдскаго, Галлскаго, Іенскаго, Килскаго, Кенигсбергскаго, Мюнхенскаго, Мюнстерскаго, Ростокскаго, Штрасбургскаго, и Вюрцбургскаго Университетовъ.

С. Х. Чорчъ.

Отвѣтъ германскимъ профессорамъ.

(Вердиктъ Америки).

Питсбургъ, 9-е ноября 1914 г.

Профессору д-ру Фритцу Шаперу.

Берлинъ, Германія.

Дорогой д-ръ Шаперъ!

Вмѣстѣ съ Вашимъ привѣтомъ и автографомъ я получилъ отъ васъ печатное письмо, адресованное „Цивилизованному Міру“ и подписанное девяносто тремя именами наиболѣе выдающимися въ германскомъ искусствѣ, наукѣ и литературѣ, въ томъ числѣ и вашимъ именемъ, и могу васъ увѣрить, что сообщеніе, такимъ образомъ зарекомендованное, будетъ мною съ глубочайшимъ вниманіемъ прочтено и обдумано. Въ моихъ глазахъ эти девяносто три имени облечены громадной силой и авторитетомъ. Я

имѣю честь быть лично знакомъ съ нѣкоторыми изъ нихъ,—съ вами и профессоромъ Адольфомъ фонъ Гарнаккомъ, и нѣсколькими другими; труды же многихъ изъ этихъ мужей обнимаютъ такія міровыя области, что они не должны считать себя только германцами: они принадлежатъ всему міру, и весь міръ уважаетъ и почитаетъ ихъ за ихъ выдающіяся заслуги передъ человѣчествомъ. Драмы Гауптмана и музыка Гумпердинка, я увѣренъ, такъ же хорошо извѣстны въ Америкѣ, какъ и въ Германіи. Изъ насъ многіе сидѣли у ногъ Эрлиха и Эйкена, какъ когда то Павелъ сидѣлъ у ногъ Гамаліила. Въ нашихъ большихъ учрежденіяхъ, посвященныхъ наукѣ и искусству, каковъ нашъ институтъ Карнеги, мы смотримъ на Боде, какъ на безапелляціонный авторитетъ въ его области труда. Максъ Рейнгардтъ стоитъ во главѣ новаго движенія въ театральной постановкѣ, дошедшаго и до американской сцены. Имя Зигфрида Вагнера дорого всѣмъ намъ по наслѣдству; Рентгенъ, Вассерманъ, Б. Эрингъ и другіе подписавшіеся двинули впередъ науку и облегчили страданія человѣчества. Вы сами, по мысли вашего императора, гостили въ Питсбургѣ при освященіи новаго зданія института Карнеги, среди группы знаменитыхъ людей, съѣхавшихся сюда со всего свѣта;

германскій отдѣлъ, какъ я вспоминаю съ чувствомъ глубокой дружбы, включалъ генерала фонъ Левенфельда, генерала Дикута, д-ра фонъ Ине, д-ра фонъ Меллера, д-ра Козера и васъ самого, и всѣ по нашей настоятельной просьбѣ привезли, какъ нашихъ самыхъ дорогихъ гостей, своихъ женъ и дочерей,—за исключеніемъ, увы, генерала фонъ Левенфельда, который, своими заслугами снискавъ себѣ мѣсто во главѣ арміи, не успѣлъ еще, какъ онъ мнѣ разсказывалъ, добыть себѣ жену. Но я напомнилъ ему, что пока человѣкъ живъ, есть надежда.

Что могу я еще сказать, чтобы доказать вамъ, какъ глубока симпатія, дружескія чувства и благодарность, которыя я и всѣ мои соотечественники питаемъ къ народу германской имперіи? Нужно ли мнѣ говорить, что сердца обливаются за него кровью въ эту годину ужасныхъ бѣдствій, и какъ горячо мы надѣемся и молимся: да низойдетъ скоро опять миръ въ лоно его опечаленной родины! Вѣдь по самому составу нашей націи мы не можемъ не стоять за Германію во всемъ, что затрагиваетъ ея нравственныя права, потому что, въ сію минуту, у насъ проживаютъ восемь милліоновъ людей родомъ германцевъ, или родившихъ въ Германіи, и эти

граждане принадлежатъ къ самымъ лучшимъ въ странѣ. Мы, поэтому, Германію возлюбили особой любовью, ибо она есть кость отъ нашей кости и плоть отъ нашей плоти. Но намъ не менѣе дороги народы и всѣхъ другихъ расъ, кромѣ, увы, азіатскихъ, а когда нибудь, въ положенное Богомъ время, мы настолько выра-стемъ духовно, что и дѣтей Азіи будемъ принимать такъ же гостепріимно. Но мы—нація-космополитъ и кромѣ этихъ восьми милліоновъ германцевъ вмѣстили 13 милліоновъ изъ Великобританіи, 300,000 душъ изъ Франціи, 3 милліона изъ Россіи, 2 милліона изъ Австріи, 25,000 душъ съ Балканъ и 100,000 изъ Бельгіи. Всего, въ нашемъ стомилліонномъ населеніи, имѣется 32 милліона людей иноземныхъ уроженцевъ или родомъ иноземцевъ, такъ что мы кровно близки ко всему человѣческому роду.

Итакъ, можемъ ли мы не сочувствовать Германіи въ эту страшную войну? И возможно ли, чтобы мы стали на ту или другую сторону несправедливо или изъ предубѣжденія, когда всѣ, вовлеченные въ эту ужасную борьбу, подлинно суть наши братья въ одной единой семьѣ чадъ Божьихъ? Нашъ достойный президентъ Вильсонъ, любимый и уважаемый всѣмъ нашимъ народомъ, наказалъ намъ всѣмъ соблюдать безпристраст-

ный нейтралитетъ, и это мы, я думаю, добросовѣстно стараемся исполнить; но мы, въ то же время, и съ неменьшей добросовѣстностью, стараемся найти праваго и осудить неправаго, потому что нейтралитетъ никогда не можетъ быть равнозначущимъ равнодушію. Вспомните, что Данте въ своемъ „Inferno“ нашелъ ниже всѣхъ адовъ адъ, уготовленный для тѣхъ робкихъ душъ, которыя упорно оставались нейтральными въ вѣковѣчной борьбѣ между добромъ и зломъ. Настоящая же война есть именно борьба между этими силами добра и зла, и я увѣренъ, что американскій народъ, отбросивъ всякое предубѣжденіе, предается изученію фактовъ, чтобы согласно съ ними установилось общественное мнѣніе. Въ курсѣ этого изученія письмо ваше „Цивилизованному Міру“ является важной частью слѣдственнаго матеріала.

Вы въ вашемъ письмѣ говорите, что „ваши враги, своей ложью и клеветой, силятся запятнать честь Германіи въ ея тяжкой борьбѣ за существованіе, —въ борьбѣ, навязанной ей“.

Во мнѣ возбуждаетъ чувство жалости назойливость, съ какой германскій народъ добивается добраго мнѣнія Америки въ этомъ конфликтѣ. Германцамъ весьма дѣлаетъ честь ихъ желаніе являться правыми передъ судомъ нашей націи.

Но Германіи нѣтъ причины бояться, чтобы общественное мнѣніе Америки было совращено ложью и клеветой ея враговъ. Мы всѣ идемъ глубже поверхности въ нашихъ поискахъ за правдой. Ваше письмо говоритъ, что Германія бьется „въ борьбѣ, навязанной ей“. Въ этомъ весь вопросъ, прочіе всѣ—второстепенные. Если эта борьба „навязана“ Германіи, тогда, дѣйствительно, ея положеніе облечено великимъ достоинствомъ и честью, и весь міръ обязанъ ее восхвалять и помогать ей, къ вящшему позору и наказанію напавшихъ на нее враговъ. Но если эта кошмарная война не была ей навязана, то не слѣдуетъ ли логично изъ этого, что положеніе ея лишено достоинства и чести, и что восхвалять и поддержать до крайнихъ предѣловъ человѣческаго сочувствія надлежитъ ея враговъ?

Мнѣ кажется, дорогой д-ръ Шаперъ, что относительно этого капитальнаго вопроса уже сложился приговоръ. И приговоръ этотъ основывается не на лжи и клеветѣ враговъ Германіи, и не на неряшливыхъ сообщеніяхъ, помѣщаемыхъ въ газетахъ, а на глубокомъ изученіи официальной переписки по этому дѣлу. Переписка эта была издана и разослана правительствами, замѣшанными въ войну; она была пе-

репечатана сполна нашими главными газетами и, во всѣхъ существенныхъ чертахъ, нашими журналами, наконецъ, была выпущена газетой „New-York Times“ въ видѣ брошюры, въ громадномъ числѣ экземпляровъ, и опять „Американскимъ Союзомъ для международнаго примиренія“ (American Association for international Conciliation“); и спросъ на этотъ неоспоримый свидѣтельскій матеріалъ все еще не удовлетворенъ, хотя у насъ читали его многіе милліоны людей. Документы эти офиціально извѣстны подъ названіями: 1) Австро-Венгерская нота Сербіи; 2) Отвѣтъ Сербіи; 3) Британская Бѣлая Книга; 4) Германская „Бѣлая Книга“; 5) Русская „Желтая Книга“; 6) Бельгійская „Сѣрая Книга“. Они содержатъ всѣ письма и депеши, которыя каждое правительство пожелало обнародовать въ собственное оправданіе своего участія въ войнѣ. Кстати, каждый, изучающій эти бумаги, будетъ сожалѣть, во-первыхъ о томъ, что Германія не посмѣла напечатать свою переписку съ Австріей,—во-вторыхъ о томъ, что Австрія не посмѣла напечатать свою переписку съ Германіей. Если бы міръ имѣлъ въ рукахъ эти утаенные документы, это несомнѣнно значительно облегчило бы ему сужденіе по вопросу о виновности. Но всѣ эти документы, сколько ихъ напечатано,

здѣсь у меня подъ глазами въ то время какъ я пишу настоящее письмо. Невольно возникаетъ во мнѣ вопросъ: были ли они широко распространены въ Германіи? Не могу не желать, чтобы германскій народъ имѣлъ возможность, которою пользовались мои соотечественники, читать эти государственныя бумаги во всей полнотѣ.

Была ли эта война навязана Германіи? Что доказываютъ офиціальные документы?

Мы вѣдь всѣ знаемъ, что Австрія въ 1908 г. захватила двѣ области: Боснію и Герцеговину. Такой поступокъ доводитъ до изступленія, а у нѣкоторыхъ людей, при такой крайней обидѣ, мозги не работаютъ нормально. Въ маѣ 1914 г. австрійскій престолонаслѣдникъ поѣхалъ въ эти области. Народъ видѣлъ въ немъ похитителя, узурпатора, тирана, и онъ былъ убитъ. Это былъ гнусный поступокъ, которымъ и гнушались справедливые люди во всемъ мірѣ. И я тоже его осуждаю, клеймлю, гнушаюсь имъ. Но это было наказаніе, которое понесъ бы каждый, кто при данныхъ обстоятельствахъ нагло вторгся бы въ завоеванную область. Всегда найдется горячая голова, готовая убить тирана; тираномъ же является тотъ, кто единственно ради увеличенія своихъ владѣній дѣлается за-

воевателемъ. Въ глазахъ этихъ порабощенныхъ областей, наслѣдный принцъ былъ тираномъ. Австрія сразу возложила на Сербію отвѣтственность за убійство и послала ей ультиматумъ, содержащій десять суровѣйшихъ условій, посягающихъ на достоинство Сербіи больше всякихъ требованій, когда либо предъявленныхъ одной націей другой. И, не смотря на это, Сербія уступила по всѣмъ пунктамъ, за исключеніемъ только статей 5 и 6. Въ ст. 5 развивался имперскій планъ пангерманизма,—правда, съ тонкимъ коварствомъ, но все же въ видѣ опредѣленной части общаго плана австро-германскаго расширенія Сербіи предлагалось „допустить у себя сотрудничество представителей австро-венгерскаго правительства для подавленія движенія, направленнаго противъ территоріальной цѣлости (австрійской) монархіи".

Эта краткая статья полна сокровеннаго смысла. Она составлена въ такихъ растяжимыхъ выраженіяхъ, что принятіе ея Сербіей послужило бы Австріи случаемъ расширить ея значеніе настолько, что ею на самомъ дѣлѣ покрылось бы всякое вмѣшательство въ сербскія дѣла, якобы ради подавленія всякаго „революціоннаго" движенія. Австрія уже похитила у Сербіи два дра-

гоцѣнныхъ алмаза и теперь строила планы съ цѣлью далѣе ограбить ее.

Въ Германской „Бѣлой Книгѣ“ мы читаемъ, что война Австріи противъ Сербіи главнымъ образомъ направлена къ тому, чтобы установить тамъ контроль надъ всякимъ политическимъ начинаніемъ, которое въ глазахъ Австріи могло бы повліять на ту или другую землю, или нынѣ принадлежащую Австріи или имѣющую впослѣдствіи быть къ ней присоединенной.

Трудно представить себѣ что-нибудь, чѣмъ Сербія могла бы нанести болѣе роковой ударъ своимъ державнымъ правамъ, чѣмъ уступивъ этому грубому требованію. Между тѣмъ, она отвѣтила терпѣливо и съ достоинствомъ, соглашаясь „допустить такое сотрудничество, которое согласовалось бы съ принципами международнаго права, съ уголовнымъ судопроизводствомъ и съ добрососѣдскими отношеніями“.

Во избѣжаніе ошибочнаго впечатлѣнія, будто война Австріи противъ Сербіи была только карательной экспедиціей, предпринятой по поводу убіенія австрійскаго престолонаслѣдника, мы не должны терять изъ вида того, съ какой завѣдомой цѣлью Германія и Австрія предъявили Сербіи такое многознаменательное требованіе. Когда были обнародованы эти грозныя условія,

Россія, какъ одна изъ великихъ европейскихъ державъ, естественно почувствовала за собою историческое право на голосъ въ вопросѣ, возможно ли дозволить такое покушеніе на державныя права сербскаго королевства, и энергично потребовала его. Германія прекрасно знала, что, если настоять на этомъ условіи, неминуемо послѣдуетъ европейская война, и все таки съ крышъ прокричала о своемъ намѣреніи настоять на немъ, и пригрозила Россіи въ случаѣ ея вмѣшательства.

Затѣмъ, ст. 6 содержала неслыханное условіе, чтобы австрійскіе юристы возсѣдали въ томъ сербскомъ судѣ, передъ которымъ должны были предстать убійцы,—однако, Сербія соглашалась и тутъ подчиниться, только обращая вниманіе Австріи на тотъ крайне основательный фактъ, что такое участье съ ея стороны въ сербскомъ судопроизводствѣ противно сербскимъ законамъ. Наконецъ Сербія чистосердечно предлагала, въ случаѣ если Австрія не найдетъ ея отвѣты на ультиматумъ удовлетворительными, продолжать переговоры по этому предмету, или же предоставить рѣшеніе Гаагскому Суду, или европейскимъ великимъ державамъ. Во всемъ этомъ дѣлѣ Сербія проявила то миролюбіе и готовность дать удовлетвореніе, которыя цивилизованный

міръ столько лѣтъ силится внести во взаимныя отношенія всѣхъ народовъ. Сербія только что пережила двѣ войны и силы ея были истощены. Но Австрія, все время сознавая, что, при искреннемъ желаніи, можно было бы сговориться въ тридцать минутъ, заранѣе рѣшила воевать, и ее въ этомъ рѣшеніи поддерживали германскій императоръ и военная партія въ Германіи, какъ они откровенно признаются въ своихъ офиціальныхъ заявленіяхъ.

Германская „Бѣлая Книга“ весьма откровенно высказывается по этому предмету. Въ ней говорится: „Мы имѣли возможность горячо завѣрить нашу союзницу (Австрію), что мы раздѣляемъ ея взглядъ на положеніе, и что всякое дѣйствіе, какое бы она ни сочла нужнымъ для того, чтобы положить конецъ происходящему въ Сербіи движенію, направленному противъ существованія австро-венгерской монархіи,—можетъ расчитывать на наше одобреніе“.

Какъ видите, дорогой д-ръ Шаперъ, ни императору, ни его совѣтникамъ никогда въ голову не приходило передавать дѣло Гаагскому Суду или обсуждать его въ сонмѣ европейскихъ державъ. Мы, если помните, стараемся разобраться въ вопросѣ: кто началъ войну? Итакъ, германскій документъ продолжаетъ: „Мы вполнѣ созна-

вали, въ связи съ этимъ вопросомъ, что воинственные шаги со стороны Австро-Венгріи противъ Сербіи втянутъ въ него Россію и могутъ вовлечь насъ въ войну, по нашему долгу, какъ союзниковъ".

Вы, надѣюсь, послѣднюю приведенную мною фразу прочтете съ величайшимъ вниманіемъ. Не доказываетъ ли одно это германское заявленіе, что всѣ эти сотни тысячъ добрыхъ германскихъ рабочихъ, павшихъ во время ихъ нашествія на чужія земли, погибли не оттого, чтобы отечеству грозила опасность, а потому, что этой жертвы потребовали честолюбивые династическіе замыслы Габсбурговъ и Гогенцоллерновъ?

Англійская Бѣлая Книга даетъ всѣ телеграммы, которыми обмѣнялись англійское министерство иностранныхъ дѣлъ, за подписью сэра Эдуарда Грей, и дипломатическіе агенты другихъ державъ, включая германскаго имперскаго канцлера. Довольно любопытно, что эти телеграммы, посылаемыя и получаемыя ея собственнымъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, Германія почему то не помѣстила въ обнародованный ею архивъ по этому дѣлу. 24-го іюля сэръ Эдуардъ Грей, черезъ великобританскаго посла въ Берлинѣ, предложилъ, въ томъ случаѣ если отношенія между Австріей и Россіей примутъ угро-

жающій характеръ, созвать на конференцію Германію, Италію, Францію и Англію,—и онъ въ слѣдующій день повторилъ свое предложеніе германскому послу въ Лондонѣ. Императоръ внезапно вернулся въ Берлинъ 26-го іюля; (онъ не былъ въ отсутствіи, „на отдыхѣ", какъ это утверждали его защитники въ Америкѣ); и сэръ Эдуардъ Грей снова настоятельно уговаривалъ его созвать такую согласительную конференцію. Но въ слѣдующій день англійскій посолъ въ Берлинѣ телеграфировалъ сэру Эдуарду Грею: „Статсъ-секретарь говоритъ, что предлагаемая вами конференція фактически равнялась бы третейскому суду; она не можетъ, по его мнѣнію, быть созвана иначе какъ по желанію, выраженному Австріей и Россіей, и онъ, поэтому, при всемъ своемъ желаніи содѣйствовать сохраненію мира, не можетъ идти на встрѣчу вашему предложенію. Я высказалъ увѣренность, что ваша мысль не имѣетъ ничего общаго съ третейскимъ судомъ, а имѣетъ въ виду только совѣщаніе представителей четырехъ не заинтересованныхъ прямо націй ради изысканія средствъ къ избѣжанію опаснаго положенія. Онъ, однако, настаиваетъ на томъ, что такая предлагаемая вами конференція неосуществима".

Желала ли Германія избѣгнуть войны? Сдѣ-

лала ли она малѣйшее усиліе для этого, чтобы отвратить ее? Видно ли, чтобы на нес напали? Угнетали ли ее завистливые сосѣди? Напротивъ, Германія твердо стояла на своемъ утвержденіи, что Австрія имѣла законное право идти войной на Сербію, и что, если Россія вмѣшается, то она будетъ воевать и съ Россіей. Кто же тогда началъ войну? И, снова спрошу я, изъ за чего погибли всѣ эти германскіе мужья, отцы и сыновья? За все это время Англія, Франція и Италія изо всѣхъ силъ работали, чтобы удержать Австрію и не дать ей начинать конфликтъ, долженствующій, какъ было извѣстно всѣмъ и самой Германіи, разрушить міровой миръ. Всѣ упрашивали не прекращать еще совѣщаній, но Австрія уперлась, будучи поддержана Германіей, и 27 іюля открыла военныя дѣйствія противъ Сербіи.

Возвращаясь къ германской „Бѣлой Книгѣ", мы читаемъ, что, послѣ того, какъ Австрія пошла на Сербію, Россія начала мобилизовать свою армію, согласно своему всегдашнему заявленію, что она выступаетъ противъ Австріи, въ случаѣ если явится къ тому необходимость. Тутъ мы приходимъ къ удивительнѣйшему сообщенію, когда либо начертанному.

Это—телеграмма отъ германскаго императора

Царю, слѣдующаго содержанія: „Беззастѣнчивая агитація, которая много лѣтъ велась въ Сербіи, привела къ возмутительному злодѣянію, жертвой котораго палъ эрцгерцогъ Фердинандъ... Вы несомнѣнно со мной согласитесь, что мы оба, вы и я, равно какъ и всѣ государи, во имя нашихъ общихъ интересовъ должны настоять на томъ, чтобы всѣ, нравственно отвѣтственные за это ужасное убійство, понесли заслуженную кару“.

Теперь намъ становится ясно, почему погибли всѣ эти германскіе солдаты и почему плачутъ всѣ эти германскія женщины. Застрѣленъ принцъ,—былъ ли онъ узурпаторомъ и насильникомъ, это не важно. Поэтому, пусть на Европу будутъ выпущены силы ада! И тѣ изъ насъ, которые ужасались, когда бомбы бросались въ императоровъ, теперь съ изумленіемъ смотрятъ, какъ императоры, соревнуя презрѣннѣйшимъ анархистамъ, сами бросаютъ бомбы въ беззащитныхъ женщинъ и дѣтей въ Антверпенѣ и Парижѣ.

Царь отвѣтилъ: „Слабой націи объявлена позорная война, это вызвало въ Россіи непомѣрное негодованіе, которое я вполнѣ раздѣляю. Я предвижу, что вскорѣ я не буду больше въ состояніи противиться напирающему на меня

давленію и буду вынужденъ принять мѣры, которыя поведутъ къ войнѣ.“

Императоръ на это отвѣтилъ: „Я не могу взирать на то, что дѣлаетъ Австрія, какъ на позорную войну. Австрія знаетъ по опыту, что на обѣщанія Сербіи, когда они даются просто на бумагѣ, положиться совсѣмъ нельзя.“

Не могу не спросить васъ, дорогой д-ръ Шаперъ: не узналъ ли за это время міръ, что бываютъ и другія обѣщанія, на которыя, если они даны просто на бумагѣ, совсѣмъ нельзя положиться? Не носитъ ли одна такая бумага подпись вашего императора? Не объявилъ ли вашъ императоръ, что данная имъ торжественная, священная гарантія нейтралитета Бельгіи есть не что иное, какъ клочекъ бумаги?

Англія затѣмъ спросила, поручится ли Германія, въ случаѣ войны, въ томъ, что она не похититъ у Франціи ея территоріальныхъ владѣній, и Германія отвѣтила, что такихъ ручательствъ она дать не можетъ. И, въ отвѣтъ на послѣднюю попытку со стороны Англіи защитить Францію отъ расхищенія и расчлененія, императоръ посылаетъ англійскому королю слѣдующую изумительную телеграмму: „Мою мобилизацію нельзя отмѣнить потому, что ваша телеграмма къ сожалѣнію опоздала. Но, если Франція пред-

ложитъ мнѣ нейтралитетъ, который долженъ быть гарантированъ британскими арміей и флотомъ, я, конечно, не стану нападать на нее и дамъ моимъ войскамъ работу въ другомъ мѣстѣ. Надѣюсь, что Франція не начнетъ нервничать. Въ настоящую минуту войска на моихъ границахъ удерживаются телеграфомъ и телефономъ отъ перехода во Францію." „Моя мобилизація!" Мобилизуетъ, стало быть императоръ? Можетъ наступить время, дорогой д-ръ Шаперъ, и намъ съ вами слѣдуетъ желать, чтобы оно наступило скоро,— когда не будетъ ни королей, ни императоровъ, обладающихъ властью мобилизовать арміи, играя ими, какъ ребенокъ играетъ оловянными солдатиками. Въ такомъ-то случаѣ, говоритъ императоръ, „я не стану нападать на Францію",—замѣтьте, что слѣдуетъ дальше!—„и дамъ моимъ войскамъ работу въ другомъ мѣстѣ". Императоръ рѣшилъ воевать, если не съ Франціей, то гдѣ-нибудь „въ другомъ мѣстѣ". Далѣе: „Надѣюсь, что Франція не начнетъ нервничать": Въ самомъ дѣлѣ, съ чего бы Франціи нервничать? „Войска на моихъ границахъ въ настоящую минуту удерживаются телеграфомъ и телефономъ отъ перехода во Францію." Вотъ вамъ и все! Телеграмма изъ Англіи опоздала; мобилизація у германскаго императора окончена, его арміи уже

переступаютъ черезъ французскую границу,— но Франція не должна нервничать! Бѣдная Франція! Земля ея уже трясется подъ топотомъ идущей на нее милліонной арміи, но ей запрещается нервничать!

Послѣднимъ, рѣшительнымъ шагомъ является ультиматумъ отъ 31-го іюля, которымъ германскій имперскій канцлеръ даетъ Россіи 12 часовъ на прекращеніе мобилизаціи. Но Россія продолжала свои приготовленія, и 1-го августа разразилась война.

Кто же ее началъ? Англія? Едва ли, ибо Англія, что касается ея арміи, уступила народному голосу, требовавшему третейскаго суда; она къ войнѣ не была готова и раньше полугода готова не будетъ. Или Франція? Или Россія? Ни одинъ изъ приславшихъ мнѣ это письмо девяносто трехъ знаменитыхъ мужей, если прочтетъ документы, этого не скажетъ. Номинально начала Австрія,—но Австрію поддерживала управлявшая ею и каждымъ ея шагомъ руководившая Германія, которая, въ свою очередь, оповѣстила всѣ европейскія державы, что она, Германія, за всякое вмѣшательство въ дѣла Австріи будетъ взыскивать всѣми мѣрами, до войны включительно.

За что же, для чего, положили жизнь свою

всѣ эти храбрые германскіе солдаты? Увы! на этотъ вопросъ не могъ бы, въ предсмертныхъ мукахъ, отвѣтить ни одинъ изъ всѣхъ павшихъ въ этихъ бойняхъ. Павшіе изъ числа союзниковъ умерли на родной землѣ, защищая отечество отъ нашествія, ваши же сыновья всѣ умираютъ на чужбинѣ, не зная за что.

Далѣе ваше письмо гласитъ: „Неправда, что мы нарушили нейтралитетъ Бельгіи.“ Хорошо ли эти „девяносто три“ изучили письмо, которое они подписали? Могли ли столь великолѣпно вышколенные умы сознательно подтвердить такое ни съ чѣмъ не сообразное заявленіе? Еще разъ спрошу: Снабженъ ли германскій народъ всѣми документами, которые сообщены остальному міру? Читалъ ли хотя одинъ изъ моихъ девяносто трехъ уважаемыхъ корреспондентовъ признаніе, произнесенное имперскимъ канцлеромъ, фонъ Бетманъ-Гольвегомъ въ рейхстагѣ, въ засѣданіи 4-го августа. Не думаю, такъ какъ канцлеръ вотъ что говоритъ:

„Мы были вынуждены пренебречь справедливымъ протестомъ люксембургскаго и бельгійскаго правительствъ. Наши войска заняли Люксембургъ и теперь, быть можетъ, уже находятся на бельгійской землѣ. Господа, это есть нарушеніе международнаго права. Правда, французское

правительство заявило въ Брюсселѣ, что Францiя согласна уважать нейтралитетъ Бельгiи, пока его будетъ уважать ея противникъ. Францiи можно было ждать, а намъ ждать было нельзя. За совершаемую нами несправедливость, говорю откровенно!—мы постараемся вознаградить, какъ только наша военная цѣль будетъ достигнута“.

И тутъ опять не могу не спросить, извѣстно ли кому изъ васъ, господа, что вашъ имперскiй канцлеръ самъ заискивалъ у американскаго народа, обратившись къ нему съ воззванiемъ, напечатаннымъ въ американскихъ газетахъ 15-го августа, въ которомъ онъ снова, въ слѣдующихъ словахъ, сознается въ этомъ преступленiи противъ Бельгiи: „Необходимость принудила насъ нарушить нейтралитетъ Бельгiи; но мы передъ тѣмъ торжественно обѣщали возмѣстить всѣ нанесенные странѣ убытки.“

Что скажетъ здравая совѣсть германскаго народа, когда, при всей страстности и воинственной ярости, онъ уяснитъ себѣ ужасное значенiе признанiя своего канцлера? Что за необходимость? Кто бы подумалъ на васъ напасть, если бы вашъ императоръ не двинулъ своихъ войскъ черезъ границу своихъ мирныхъ сосѣдей? „Совершаемая нами несправедливость.“ Опустошенiе и разоренiе ничѣмъ васъ не обидѣвшей страны

избіеніе ея сыновъ, изгнаніе ея короля и правительства, расхищеніе ея богатствъ, разрушеніе ея городовъ, съ ихъ счастливыми семейными очагами, ихъ прекрасными памятниками исторической старины и безцѣнными твореніями человѣческаго генія!

„Совершаемая нами несправедливость!“ Хуже всего то, что, если доведенное до отчаянія, обезумѣвшее населеніе, глядя на своихъ убитыхъ сыновъ и пылающіе дома, повинуясь послѣднему природному инстинкту, стрѣляло изъ оконъ, то ваши войска, съ варварской лютостью, истребляли жителей безъ различія возраста и пола! Несправедливость! Почему вы отрицаете ее въ противность постыдному признанію офиціальнаго голоса Германіи? О, д-ръ Шаперъ! если бы когда-нибудь свершилось обратное тому, что было въ Бельгіи, и чужія войска проходили по улицамъ Берлина,—развѣ вы, развѣ всѣ мои девяносто три корреспондента, видя свои дома обращенными въ развалины и сыновей своихъ мертвыми на улицахъ, не стали бы стрѣлять изъ оконъ въ безжалостныхъ насильниковъ? Я увѣренъ, что я стрѣлялъ бы! Когда наши американскія войска недавно были посланы въ Мексику, не для того, чтобы завоевать, или воевать, а для того, чтобы возстановить миръ

и порядокъ, и власть закона, нѣкоторые обыватели города Вера Крусъ стрѣляли въ нихъ изъ оконъ, и двадцать три нашихъ молодыхъ солдатъ были убиты. Наши наконецъ стали отстрѣливаться, но не разрушали городъ, не убивали невинныхъ, и даже тѣ изъ стрѣлявшихъ, которыхъ взяли, не были казнены; имъ было сдѣлано внушеніе — вести себя прилично, затѣмъ ихъ отпустили. Я почти хотѣлъ бы, чтобы Америка имѣла власть и волю идти въ Бельгію и Францію, чтобы выгнать оттуда безбожныхъ насильниковъ и возстановить и тамъ миръ, порядокъ и власть закона. Такая власть навѣрно, не сегодня такъ завтра, будетъ учреждена гуманными людьми со всего міра, и тогда нація, поставившая себѣ задачей подготовлять смерть и адъ для всего человѣчества, какъ дѣлала это ваша нація за послѣдніе двадцать пять лѣтъ, будетъ обуздываться какъ общій врагъ. Между прочимъ, дикая неурядица, вызвавшая насъ въ Мексику, ничто въ сравненіи съ варварской оргіей опустошенія и убійства, которую ваши войска внесли въ эти двѣ страны.

Если Германія не виновна, д-ръ Шаперъ, то скажите, ради Бога, зачѣмъ ваши войска въ Бельгіи? Зачѣмъ они во Франціи? Если бы вы ждали, пока на васъ нападутъ, вамъ никогда не при-

шлось бы воевать. Вашъ имперскій канцлеръ говоритъ, что вы нарушили положенія международнаго права и что вы „постараетесь вознаградить за совершаемую вами несправедливость“. Помилуйте, д-ръ Шаперъ, — да всѣмъ золотомъ, сколько бы вы его ни дали Франціи и Бельгіи,—всѣми покаянными молитвами, которыя вы могли бы возносить ежечасно въ продолженіе тысячи лѣтъ изъ глубины пристыженнаго и сокрушеннаго сердца, вамъ не искупить разоренія двухъ націй огнемъ и мечемъ, не осушить того океана крови и слезъ, который вездѣ оставляетъ за собой ваше гнусное нашествіе. Насъ иногда спрашиваютъ: „Кого вы охотнѣе пустите къ себѣ германцевъ или славянъ?“ И отвѣтъ у насъ всегда одинъ: „Да! послѣ того какъ мы видѣли германцевъ воюющими,—не то что славянъ—давайте намъ лучше турокъ, давайте готтентотовъ!“

Ваше сообщеніе отрицаетъ еще многое: вы, будто бы, не посягнули на жизнь и имущество ни одного бельгійца иначе, какъ понуждаемые самой горькой необходимостью самообороны. Вы и съ Лувеномъ не поступили звѣрски“. Приговоръ и тутъ долженъ основываться на фактахъ; факты же слишкомъ извѣстны, чтобы нужно было повторять перечисленіе ихъ, и всякій споръ на

эту тему былъ бы пустой тратой времени. Одного свидѣтеля, впрочемъ, я приведу противъ васъ по этому обвиненію,—только одного. Этотъ свидѣтель—вашъ императоръ. Слушайте же, что онъ говоритъ:

„Совершенное въ Лувенѣ истребленіе жизни и всякаго имущества было актомъ жестокой необходимости. Сердце мое обливается кровью за Лувенъ!"

Вы далѣе отрицаете всякія звѣрства, не оправдываемыя войной. Скажу вамъ на это, что мы здѣсь въ Питерсбургѣ получили письмо отъ служащей въ Бельгіи одной изъ нашихъ сестеръ Краснаго Креста.

На ея попеченіи находится, между прочимъ, одинъ славный мальчикъ, который изъ своего окна выстрѣлилъ въ войска, опустошавшія его родину: ваши солдаты отрубили ему обѣ руки. А въ Термондѣ развѣ не былъ убитъ бургомистръ за то, что онъ защитилъ дочь отъ покушенія германскаго офицера, гостившаго въ его же домѣ? И еще случай узнаю изъ письма моего дѣлового корреспондента, проживавшаго въ Брюсселѣ и вынужденнаго бѣжать въ Нантъ; онъ сообщаетъ мнѣ, что ваши солдаты разстрѣляли кассира бельгійскаго національнаго банка и двухъ его сыновей за то, что онъ отказался вы-

дать секретную комбинацію къ ввѣренному ему денежному шкапу. Такіе, сплошь да рядомъ попадающіеся, факты слишкомъ достовѣрно засвидѣтельствованы. Но къ чему отрицать отдѣльныя звѣрства, когда имѣются такія массовыя звѣрства, какія совершались въ Лувенѣ, Алостѣ и Термондѣ? У насъ на самую войну смотрятъ какъ на звѣрство, унижающее націю не менѣе, чѣмъ частное убійство унижаетъ совершившаго его преступника. Вашимъ императоромъ восхищались какъ однимъ изъ великихъ людей міра. Но какую славу оставитъ онъ потомству? Своимъ непростительнымъ вызовомъ войны онъ оскорбилъ человѣчество до самой глубины души. Онъ не только заливаетъ Европу человѣческой кровью, онъ даетъ ей новое населеніе, состоящее изъ плачущихъ вдовъ, осиротѣвшихъ матерей, лишенныхъ отцовъ дѣтей, безрукихъ и безногихъ: наслѣдство ненависти!

Кончаете вы свое письмо защитой германскаго милитаризма. Но это приводитъ насъ опять къ первому вопросу: кто началъ войну? Ни одинъ честный умъ не можетъ сомнѣваться въ томъ, что отвѣтственность за войну падаетъ всецѣло на Германію, что она подстрекала Австрію напасть на Сербію, отлично зная, что результатъ неизбѣжно долженъ быть общеевропейскій по-

жаръ. Ибо сама Австрія—дряхлая, распадающаяся имперія, составныя части которой связаны веревкой, свитой изъ песку, неспособная сплотить разныя расы воедино, какъ мы это дѣлаемъ въ Америкѣ, потому что ея правительство не основано на равноправіи, и ничего, ни хорошаго, ни дурного, не можетъ сдѣлать энергически, по собственному почину.

Ваше упоминаніе о германскомъ милитаризмѣ наводитъ на убѣжденіе, что затаенное начало этой войны было заложено четверть вѣка назадъ, когда Вильгельмъ II взошелъ на престолъ, провозгласилъ себя верховнымъ военнымъ вождемъ и принялся готовить свой народъ къ войнѣ. Собственныхъ дѣтей онъ съ младенчества пріучилъ считать себя солдатами, а боевое поприще своимъ удѣломъ; у насъ въ Америкѣ даже дочь его знаютъ только по фотографіи, изображающей ее въ полковничьемъ мундирѣ. И такъ же какъ его дѣти, воспитывалась вся молодая Германія. Обязательная воинская повинность всѣхъ обратила въ солдатъ.

Я бывалъ въ Германіи и вездѣ замѣчалъ недостатокъ въ національномъ спокойствіи, такъ какъ улицы во всякое время кишѣли солдатами; взоръ вездѣ поражалъ блескъ касокъ и кирасъ, а слухъ—гремѣніе саблей и бряцаніе шпоръ.

Лошади жевали мундштуки и нетерпѣливо рыли землю копытами. И весь этотъ непрерывный военный грохотъ, всѣ эти военные доспѣхи отравляли воображеніе народа, самая кровь его заражалась военной лихорадкой.

Носившій мундиръ сразу дѣлался членомъ особой касты. Ресторанный слуга, поспорившій съ офицеромъ надъ счетомъ, былъ заколотъ имъ на мѣстѣ, и, благодаря мундиру, это офицеру сошло за самооборону. Хромой башмачникъ, обыватель завоеванной области, пробормотавшій нѣсколько словъ противъ войскъ кайзера, былъ зарубленъ саблей, и офицера, совершившаго эту гнусность, горячо похвалилъ самъ кронпринцъ. Человѣкъ, занимавшій скромное положеніе въ свѣтѣ, подошелъ съ фамильярнымъ привѣтомъ къ произведенному въ офицеры бывшему своему пріятелю, и тотъ за такую дерзость убилъ его наповалъ, да еще написалъ матери своей жертвы письмо, оправдывая свое преступленіе. Я самъ видѣлъ, какъ германскіе офицеры сталкивали съ панели порядочныхъ женщинъ, чтобы очистить себѣ дорогу. Видѣлъ и то, какъ иные поднимали стаканы, выпивая тостъ за счастливый день, когда начнется война.

И не было дня за эти двадцать пять лѣтъ,

въ который императоръ своими воспламеняющими рѣчами не раздувалъ бы общаго рвенія въ пользу этой, еще только гадательно возможной войны.

Люди, предлагавшіе практическіе способы для утвержденія мира, осмѣивались за такое вмѣшательство. Когда рабочимъ классамъ всего міра стали не подъ силу расходы на предполагаемую въ будущемъ войну—(около 75% всѣхъ доходовъ всѣхъ правительствъ идутъ на эти чисто-излишніе расходы),—англійскій кабинетъ предложилъ хотя на одинъ годъ прекратить дальнѣйшія приготовленія, но императоръ на это гуманное предложеніе отвѣтилъ тѣмъ, что къ своему флоту прибавилъ еще четыре броненосца и 300,000 человѣкъ къ своей арміи, чѣмъ немедленно вынудилъ Францію продлить у себя военно-служебное время на одинъ годъ: три года вмѣсто двухъ лѣтъ.

Вашъ генералъ фонъ Бернгарди сказалъ: „Попытки обезпечить миръ чрезвычайно вредны для національнаго здравія.“ Даже ваши университетскіе профессора, и тѣ помогли внушенію вашей молодежи этого ученія о неизбѣжности войны. Забытъ вашъ великій Кантъ, всѣмъ намъ въ своемъ „Категорическомъ Императивѣ“ преподававшій „новое золотое правило“; германскій,

національный духъ нынѣ вскармливается на чувственномъ матеріализмѣ Ницше, на ничѣмъ неприкрытой кровожадности генерала фонъ Бернгарди, на зловредныхъ военныхъ мечтаніяхъ Трейчке, на слабосильной морали Бюлова, и изо всего, что только намъ удается узнать о вашемъ императорѣ, его дѣтяхъ, его солдатахъ, его государственныхъ дѣятеляхъ, его профессорахъ, мы видимъ, что Германія давно считаетъ себя націей, отдѣленной отъ остального міра и поставленной выше его, и предназначенной отстоять это превосходство войной. Въ противность этому узкому и разрушительному духу національзма, мы въ Америкѣ научились ставить человѣчность выше расоваго чувства и наша родина любовно принимаетъ у себя представителей всего человѣчества.

И кстати, дорогой д-ръ Шаперъ, позвольте мнѣ замѣтить, что государственность Германіи построена на одномъ ложномъ принципѣ, который главнымъ образомъ и отвѣтственъ за всѣ бѣдствія, принесенныя этой германской войной. Ваши военные правители внушили вашему народу вѣру, что за германскими переселенцами непремѣнно долженъ слѣдовать и германскій флагъ. Поэтому вы заявляете о своемъ правѣ требовать себѣ колоній. Затѣмъ вашъ императоръ

учитъ свой народъ, что „Германія превыше всего“,—у васъ, если не ошибаюсь, на эти слова есть и пѣснь—учитъ его, что германцы выше остальнаго жалкаго человѣчества, — и ему вѣрятъ. Между тѣмъ, въ Америкѣ, какъ я уже сказалъ, проживаютъ восемь милліоновъ германцевъ, которые, чтобы счастливо жить, не нуждаются въ германскомъ флагѣ. Много тысячъ ихъ поселились въ Канадѣ, въ Бразиліи, въ Аргентинѣ и другихъ мѣстахъ, и вездѣ они живутъ въ безопасности и благоденствіи безъ германскаго флага. Мы, американцы, когда поселяемся въ другихъ странахъ, не тащимъ за собой флага. Стало быть, развѣ не является нелѣпостью, притомъ зловредною, держаться ученія, будто германцы отнынѣ должны жить непремѣнно подъ германскимъ флагомъ, гдѣ бы они ни находились? Не лежитъ ли эта дикая мечта—пангерманизмъ, въ основѣ совершающагося нынѣ великаго преступленія? Не выше ли идея, — которая, быть можетъ, народится изъ этой самой войны, — что человѣчество болѣе велико, чѣмъ какая бы то ни было раса, и что правительство, идущее наперекоръ этой идеѣ, должно погибнуть.

Затѣмъ, опять, вашъ военный классъ, желая держать управленіе страной въ своихъ рукахъ,

распространяетъ такую идею, будто германскій простой народъ неспособенъ на то, что англичане и американцы называютъ самоуправленіемъ. „Ни одинъ народъ“ говоритъ вашъ генералъ фонъ Бернгарди, „такъ мало не приспособленъ, какъ германскій, управлять собственными судьбами“. Не могу не задать себѣ вопросъ: какъ то германскій народъ расчитается со своими правителями, когда кончится эта война? Въ драмѣ Бульвера „Ришелье“ есть прекрасныя строки, какъ разъ подходящія сюда. „О, если съ человѣческими сердцами играть чарами черной магіи, то пусть совершающіе заклинаніе берегутся вызваннаго злого духа“.

Эти воинственныя мечтанія, эта германская солидарность, этотъ пангерманизмъ, эта лживая дипломатія, эта политика всеоружія, этотъ невѣрный принципъ верховности государства надъ личностью, и,—что еще болѣе ложно,—верховности Германіи надъ прочимъ человѣчествомъ, пренебреженіе, съ которымъ ваши военачальники относятся къ человѣческой жизни, ихъ страстное стремленіе уничтожить все, что свидѣтельствуетъ о культурномъ шествованіи рода человѣческаго,— все это сдѣлало то, что міръ васъ боится. Ваша ненасытимость всѣхъ насъ запугала. Вашъ генеральный штабъ теперь уже издалъ планъ на-

паденія на Америку. Если вы сокрушите британскую имперію, почему бы не наступить затѣмъ и нашей очереди?

Итакъ, дорогой д-ръ Шаперъ, намъ страшно, намъ стыдно, насъ оскорбляетъ, что христіанская нація является виновницей этой преступной войны. Говоря, что намъ ненавистенъ весь этотъ конфликтъ и что мы относимся съ омерзѣніемъ къ создавшимъ его германскимъ милитаристамъ, я высказываю мнѣніе огромнаго большинства американскаго народа, включая сотни тысячъ нашихъ германо-американскихъ гражданъ.

Ему не было никакого оправданія. При томъ, какъ вы были вооружены и защищены, всему міру никогда не ворваться бы къ вамъ. Германская культура все еще можетъ чѣмъ нибудь поживиться и отъ сосѣдей; но и такъ умственное преуспѣяніе Германіи какъ будто должно было поднять народъ на наболѣе высокій уровень собственной этики и альтруизма по отношенію къ другимъ народамъ. Ваша великая нація пустила свои корабли по всѣмъ морямъ, продавала свой товаръ во всѣ концы земли и пользовалась расположеніемъ всего человѣчества, потому что ей довѣряли, считая ее гуманнымъ государствомъ. Но теперь, все вами достигнутое пропало; отъ этого добраго мнѣнія не осталось

слѣда. Вамъ въ полвѣка не вернуть утраченныхъ вами духовныхъ и матеріальныхъ благъ.

Ахъ, кто бы возвратилъ намъ ту Германію, которую мы могли уважать,—Германію, поборницу истиннаго мира, истиннаго прогресса, истинной культуры, скромную, не хвастливую, избавленную навсегда отъ своихъ военныхъ вождей, вооруженныхъ полчищъ, снова обращающуюся къ облагораживающему вліянію такихъ свѣтилъ, какъ Лютеръ, Гете, Бетховенъ и Кантъ! Но нѣтъ: все равно, выиграете вы или проиграете эту войну, Германія пала, и нѣкогда славная нація должна продолжать идти путемъ мрака и крови, пока не проснется въ ней, наконецъ, совѣсть и не заставитъ ее отозвать свои войска въ свои предѣлы, чтобы тамъ ожидать прощенія всего міра за свои неискупимыя злодѣянія.

Вы, я думаю, простите меня, если я выскажу мысль, что если бы всѣ девяносто три мужа, написавшіе мнѣ это письмо, налегли своимъ могучимъ вліяніемъ на совѣсть своихъ соотечественниковъ, совѣтуя имъ остановить войну, отозвать арміи и просить мира на условіяхъ, вполнѣ принимающихъ въ разсчетъ все содѣянное зло, въ которомъ сознались вашъ императоръ и вашъ имперскій канцлеръ, —тогда вы человѣчеству

оказали бы такую услугу, которая превзошла бы все, что вы хорошаго сдѣлали въ свою жизнь.

Нѣтъ сомнѣнія, что изъ этой войны выйдетъ много хорошаго. Самое лучшее, что она дастъ намъ, будетъ—миръ. Я принадлежу ко всѣмъ пацифистскимъ обществамъ и не разъ замѣчалъ, что миролюбивые люди говорили, притаивъ дыханіе, и ступали робко, пугаясь одного взгляда военнаго человѣка. Но отнынѣ я предсказываю, что миръ станетъ задорнымъ факторомъ жизни на землѣ, властною рукой водворяющимъ законъ и порядокъ и никогда болѣе не дозволитъ воздвигать великія имперіи на трупахъ бѣдныхъ рабочихъ и простодушныхъ поселянъ. Тогда поистинѣ мы увидимъ человѣчество болѣе великимъ въ совокупности, нежели любая часть его, именуемая націей.

Въ заключеніе настоящаго откровеннаго отвѣта на ваше письмо, я желаю выразить мою глубокую симпатію къ германскому народу. Я вмѣстѣ съ вами скорблю душой о хорошихъ и храбрыхъ людяхъ, жизнь которыхъ была безъ всякой нужды брошена въ этотъ международный водоворотъ разбоя и убійства; плачу, какъ и вы, съ дорогими женщинами, сердца которыхъ раздираются невозвратимыми утратами, сожалѣю бѣднымъ малюткамъ — ихъ больше милліона!—

которымъ суждено рости безъ отеческой ласки и заботы. Хотѣлось бы дѣломъ или словомъ, способствовать утоленію печали германскаго народа,—но увы, нѣтъ той человѣческой руки, которая могла бы облегчить столь непосильную ношу горя и страданія.

Шлю вамъ благодарность за ваше письмо и привѣтъ другимъ, подписавшимъ его, и, съ глубоко прочувствованнымъ пожеланіемъ, чтобы долговѣчный миръ скоро снизошелъ на нашъ смятенный міръ, завѣряя васъ въ моей неизмѣнной дружбѣ и уваженіи, остаюсь, дорогой д-ръ Шаперъ, всегда преданный вамъ

С. X. Чорчъ.

Ц. 1 р. 50 к.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:
При Кн-вѣ «ПРОМЕТЕЙ», Поварской 10.